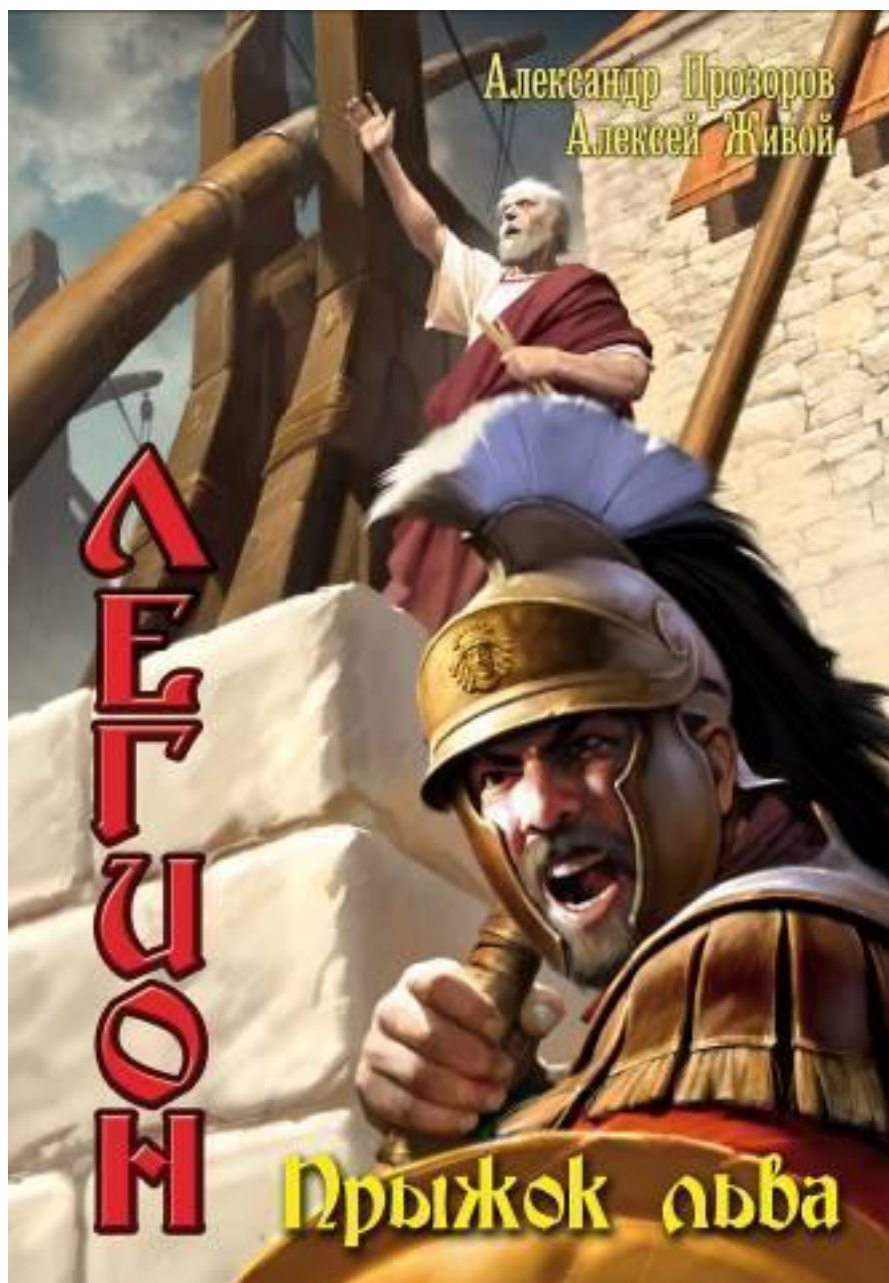

Александр Проzorов
Алексей Живой

ЛЕГИОН

Прыжок льва

Легион

Александр Проzorов

Прыжок льва

«Автор»

«Автор»

2008

Прозоров А. Д.

Прыжок льва / А. Д. Прозоров — «Автор», «Автор»,
2008 — (Легион)

Временно отступив от Рима, который не удалось взять с ходу, Ганнибал сосредоточил свои войска в южной Италии, стремясь захватить Тарент. Давно не получая подкреплений из метрополии, Великий Карфагенянин заключил тайный союз со скифами, отправив к ним послом Федора Чайку. И вот уже орды Иллур, отвернув от самых границ Греции, вторгаются в земли гетов и движутся вверх по Дунаю, сметая все на своем пути. Еще удар – и они окажутся на берегах Адриатики. В Италии Ганнибал с небольшой армией едва сдерживает удары Рима, который почти восстановил свои силы. И тут судьба посылает ему новый шанс. В Сиракузах умирает давний враг Карфагена, тиран Гиерон, а его наследник предпочел заключить союз с Ганнибалом. Но Рим не может просто отдать остров, за который много лет воевал с финикийцами. Ганнибал отправляет в Сиракузы отряд своих воинов, чтобы закрепить новый союз, который может вернуть Карфагену желанную Сицилию. Командует этим отрядом Федор Чайка. Едва прибыв на место, карфагеняне, вместе с жителями города, оказываются в осаде. Рим прислал на его покорение свои легионы. Но еще никто не смог захватить Сиракузы, пока в них живет Архимед.

© Прозоров А. Д., 2008

© Автор, 2008

© Автор, 2008

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	27
Глава пятая	33
Глава шестая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Прозоров, Алексей Живой

Прыжок льва

Часть первая

План Ганнибала

Глава первая

Посланник

Значит, Палоксай предал меня, – произнес Иллур, в гневе сжимая чашу с вином.

Его украшенный резным орнаментом доспех тускло блеснул в полумраке шатра. С трудом дослушав до конца рассказ кровного брата, царь скифов вскочил на ноги, едва не выплеснув содержимое золоченой чаши прямо на Ларина. Тот невольно отшатнулся, бросив многозначительный взгляд на сидевшего рядом Федора.

– Он предал меня, – еще раз прошипел Иллур. – Палоксай дорого за это заплатит. Я сожгу все его города, когда доберусь до берегов Истра. Ждать осталось недолго. Мы скоро выступаем.

– Честно говоря, – осторожно заметил Леха, допивая вино, – самого Палоксая я так и не видел. Он был на охоте. Меня продал грекам его ближайший помощник, старейшина Иседон. Вот он – настоящий предатель.

– Сколько дней ты пробыл у него в замке? – спросил Иллур, сделав несколько нервных шагов по коврику, и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Палоксай не мог не знать о твоём прибытии. Раз Иседон пошел на это, значит, он сделал все с согласия своего царя и они оба держат сторону греков.

Отбросив в гневе пустую чашу в угол шатра, Иллур вперил свой взгляд в посланника Ганнибала. Грамоту и письмо он уже прочел, но разговора еще не было. Сначала скифский царь пожелал услышать отчет от своего посла, вернувшегося в лагерь возле захваченной Тире. Но теперь ему все было ясно и настало время заняться послом Карфагена.

Федор Чайка перед самым отплытием разыскал при штабе Атарбала пленного грека, понимавшего по-скифски, и взял его с собой. За время неблизкого плавания он немного изучил этот язык с помощью толмача, а затем подтянул его в разговорах с Лехой. Сейчас Федор понимал почти все из сказанного, а остальное Леха ему переводил.

– Я помню тебя, – вдруг заявил Иллур, присмотревшись к загорелому и обветренному лицу карфагенского военачальника, – это ведь ты много лет назад был у меня пленником вместе с моим кровным братом?

– Было такое, – не стал отнекиваться Федор, скрестив руки на груди, – но с тех пор много воды утекло. Я стал военачальником в армии Ганнибала. А твой кровный брат тоже не пропал. Флотом командует.

– Ты прав, – кивнул Иллур, внезапно успокоившись и снова присаживаясь на ковер к небольшому столику, ломившемуся от яств, – воды утекло много. И вина, и крови...

Он замолчал ненадолго, задумавшись о чем-то. За это время возникший в шатре неведомой тенью слуга, вновь наполнил их чаши. И также незаметно исчез.

– Магон пишет, что я могу доверять тебе. Что у вас трудности в войне с римлянами, и просит помочь, – промолвил наконец Иллур, скользнув взглядом по свиткам, лежавшим тут, же на ковре. – Я уже много лет знаю Магона. Зря он ничего не сделает. Карфаген силен, у него

много солдат и кораблей, а кроме того, он ближе. Почему Карфаген сам не поможет твоему хозяину?

Федор немного поморщился при слове «хозяин». Однако он слишком давно находился в этом древнем мире, чтобы понимать – свобода здесь не дается даром. Ее надо завоевать. И даже сильнейшие здесь имеют своих хозяев.

– Ганнибал уже захватил почти всю Италию собственными силами, – начал Чайка, старательно подбирая слова, – он много лет воюет против Рима и близок к победе. Нужен последний удар.

Федор замолчал, обдумывая новую фразу. Командир хилиархии понимал – оттого, что скажет, во многом будет зависеть успешность этого посольства. Ганнибал ждет его назад с положительным ответом и Федор не должен промахнуться. Впрочем, он плывал в Карфаген с похожим заданием, и вести переговоры для морпеха уже не было таким непривычным делом. Пообтерся пунийский военачальник немного в высшем обществе. Говорить научился. Так что переговоры с Иллуром не казались ему слишком сложным делом. Тем более что ему составил протекцию «сам адмирал» Леха Ларин.

Наличие мощного флота у вчерашних кочевников впечатлило Федора. Здешние корабли, построенные греческими инженерами, ничуть не уступали карфагенским. А увидев эннеру, этот супердредноут античного мира, он едва не опешил. Такого он еще не видел нигде, даже на верфях собственной столицы в Африке. Размах строительства и вложенных в развитие нарождавшихся ВМС Скифии средств поразил военачальника. Если верить Лехе, а доказательства были налицо, с помощью своего нового флота скифы уже захватили несколько хорошо укрепленных греческих портов и в ходе боевых действий даже выиграли первые морские сражения.

Понятное дело, подготовка здешних моряков была еще далека от совершенства и не дотягивала до карфагенской, греческой или римской. Но не боги горшки обжигают. Иллур явно знал, чего хочет. И если так пойдет дальше, то вскоре Скифия станет мощнейшей морской державой, захватив господство на берегах Понта Эвксинского.¹ Что будет дальше, догадаться нетрудно. Дальше будет Средиземное море. Не сразу, конечно, но будет. А если вспомнить, что сухопутную армию скифов никто не отменял, то эта лавина вполне могла сокрушить разобщенную Грецию, став новым игроком на южном театре боевых действий. Затем, если их никто не остановит, скифы могли продолжить перекраивать политическую карту, ведь и в Азии сейчас жили так нелюбимые Иллуром греки. В незапамятные времена, насколько припоминал Федор, тропинки были протоптаны скифами аж до самого Египта. Так что с ними лучше было дружить. Тем более что Ганнибал сейчас именно этого и хотел. Если не обуздать, то хотя бы приручить эту силу. Использовать ее на благо собственных интересов.

– Иллур мудр, – вновь заговорил Федор, начав с лести, – он сам ведет войну на широких просторах и понимает, сколько нужно воинов, чтобы противостоять сильному противнику. А Рим был силен, когда наша армия вторглась в его пределы.

Федор отпил вина, проглотил засахаренный кусочек груши, наполнивший его рот припорошенным вкусом. Помолчал, словно давая скифскому царю время подумать над сказанным. Иллур молчал, не перебивая. Лишь теребил свою бороду.

– С тех пор прошло несколько лет и успехи Ганнибала вызвали зависть у его врагов в сенате Карфагена, – вновь заговорил Федор, – мы многого достигли, но на этом пути в сражениях тысячи лучших воинов погибли, а подкреплений, с которыми мы могли бы захватить Рим и закончить войну, так и не пришло. Несмотря на то что мы близки к победе, Ганнибалу нужны союзники, чтобы закончить эту победоносную войну. Но старейшины Карфагена размышляют очень долго. А Ганнибал не хочет ждать.

¹ Черное море (*греч.*).

Назвав высокородных сенаторов старейшинами, Федор не сильно погрешил против истины. Да и такие слова были больше по сердцу Иллур.

– Поэтому Магон прислал тебя ко мне, – ухмыльнулся Иллур, погладив бороду.

– Меня прислал сам Ганнибал, – уточнил Федор, открывая карты, – а в Карфагене о моем плаваннии знает только Магон.

– Хитрая лиса, – заявил Иллур, – Он хочет, чтобы я помог Ганнибалу, не дожидаясь решения ваших старейшин. А вдруг они окажутся против? Ведь твой хозяин должен выполнять указы старейшин. Он же не царь.

Тарас закрыл и вновь открыл глаза. Слово «хозяин» опять резануло слух, но уже мягче. Федор привыкал.

– Это так, – кивнул он, сложив руки на коленях, – зато ты – царь. Великий царь Скифии, конница которой не знает преград. И тебе не нужны приказы из Карфагена. Придя на помощь армии Ганнибала в Италии по собственной воле, ты больше приобретешь, чем потеряешь. И Ганнибал готов заранее признать все твои приобретения на этом пути и даже обещает отдать тебе большую добычу в самой Италии после крушения Рима. Ганнибал великий воин. Но он еще и богатый вождь, который всегда хорошо платит за помощь.

Иллур нахмурился, встал и вновь прошелся по шатру, как всегда делал в таких случаях.

– Но Ганнибал, – не царь, – вновь произнес он, обернувшись к Чайке.

– Для того чтобы сдерживать свои обещания, у него хватит власти, – твердо произнес Федор. – Ганнибалу безраздельно подчинялась вся Испания, а теперь почти вся Италия. Когда ты окажешься у стен Рима, никто из сенаторов Карфагена уже не сможет тебе помешать получить свое.

Некоторое время Иллур мерял шагами огромный шатер. Наконец, принял решение. Он вновь сел, съел засахаренную сливу и выпил вина. Помолчал. Федор Чайка и Леха Ларин тоже молчали, не смея нарушить покой скифского царя.

– Чего хочет твой хозяин? – произнес наконец Иллур, вперив вопрошающий взгляд в карфагенского посланника.

Федор едва не улыбнулся, но сдержался. Похоже дело пошло на лад.

– Разбив гетов и фракийцев на Истре,² Ганнибал предлагает тебе немного отклониться от главного направления удара и выйти к Македонии. Ведь ты же все равно продвигаешься на юг.

Иллур молчал, понимая, что это еще не все.

– А затем, объединив свои силы с войсками союзного нам Филиппа Македонского, выйти на побережье Адриатики. Скорее всего, соседям Македонии, Иллирии и Эпиру это не очень понравится, и они могут попытаться вам помешать. У нас есть сведения, что римские посланники действуют в Иллирии. Впрочем, успехов у них пока маловато, – дикими иллирийцами, которые живут грабежом и пиратством, трудно управлять. Захватить и уничтожить их также нелегко, но возможно. А Эпир сам не любит римлян, хотя и не воюет против них. Вероятно, по дороге к морю скифам и македонцам придется сокрушить обоих соседей.

– Воевать с греками заодно? – поднял брови Иллур.

– Только с одним из греков, Филиппом, но зато против остальных, – поспешно пояснил Чайка, увидев, как напрягся скифский царь, – Ганнибал не призывает тебя дружить с греками. Ты знаешь, как долго Карфаген боролся против них везде, где только мог. Чего стоит одна только Сицилия, которой теперь владеет Рим совместно с Сиракузами.

– Продолжай, – оборвал его тираду Иллур, желая скорее услышать суть.

– Так вот, – закончил Федор Чайка, напустив на себя важный вид, – у Филиппа, которому принадлежит небольшая часть побережья, есть там флот. Сокрушив, если понадобится, противников на этом берегу материковой Греции, Филипп переправит свои войска в Италию и

² Дунай в нижнем течении именовался Истром. Для данной книги мы оставили это название применительно ко всей реке.

нападет на Рим с юга, придя на помощь Ганнибалу. Часть своих войск ты тоже можешь переправить с ним морем, если захочешь, а остальные отправятся дальше берегом. Через Иллирию в Северную Италию, где их встретят союзные кельты долины реки По. А оттуда путь на Рим скифская конница пройдет быстро.

О том, что по дороге придется «разобраться» с обосновавшимися на побережье пиратами, а также с дарданами³ и осевшими в этих местах кельтами-скордискскими, Федор решил умолчать. Для масштабных действий Иллур это были так, – мелкие сопутствующие проблемы. Царь скифов имел свою разведку и наверняка был отлично осведомлен о народах, обитавших в тех местах, куда он собирался нанести основной удар. План Ганнибала не так уж сильно уводил его в сторону. Во всяком случае, на первом этапе.

– Эпир все еще силен, – заметил вслух Иллур, уже размышляя, – и геты не сдадутся легко. Предстоят кровавые битвы. Так что все это может случиться очень не скоро.

– Но ведь великий царь все равно собирался напасть на Грецию. А Эпир тоже Греция, только западная. Разве не так? – осмелился уточнить Федор.

Иллур смерил его многозначительным взглядом и вдруг закончил аудиенцию.

– Хорошо. Я выслушал тебя, Федор Чайка, по просьбе моего старого друга Магона. И скоро дам тебе ответ. А пока ты можешь отдыхать.

Скифский царь перевел взгляд на своего кровного брата.

– Ал-лэк-сей, размести нашего гостя в лучшем доме и дай ему все, что пожелает. Я сообщу о своем решении, когда придет время.

Федор Чайка поклонился, выходя вслед за адмиралом.

– Ну что я тебе говорил, – похвалился Леха, едва они покинули шатер Иллур, оставив за спиной рослых охранников с копьями и щитами в руках, – царь тебя сразу примет. Это же мой кровный брат, как ни крути. Почет и уважение дорогому гостю.

– Ну да, все так, – рассеянно ответил Федор, разглядывая сотни походных юрт, из которых состоял огромный лагерь скифов, раскинувшийся в поле неподалеку от Тиры, еще недавно считавшейся греческой колонией.

– Что-то не торопится Иллур дальше идти, – заметил словно в ответ на его мысли бравый адмирал, оглядывая бесконечный лагерь, по которому в лучах вечернего солнца сновали вооруженные всадники, – я-то думал, его разыскивать в степях придется по возвращении. Иллур ведь каждый день вперед рвется, расширять границы империи. Приплыли, – а он еще и с места не двинулся. Словно тебя поджидал.

– Это вряд ли, – отмахнулся Федор, – я ведь не знал, когда сюда доберусь. Да и с тобой встречи не планировал. Случай.

– Ну тогда пойдем, – предложил Леха, – я тебе покажу, где ты будешь жить, пока царь думать будет. А потом предлагаю выпить по чарке за случай. И по второй за успешные переговоры, а также предстоящее сотрудничество различных родов войск. Глядишь, если согласится наш царь, то и повоюем еще вместе.

– Может и так, – кивнул Федор, направляясь к привязанным неподалеку лошадям, возле которых его ожидало шестеро охранников из морпехов Карфагена. Больше он решил с собой не брать. Не во вражеский лагерь приехал.

Сев на коней, небольшой отряд устремился с холма вниз, по натопанной копытами тропинке, что вела меж юрт к захваченному городу. Леха решил поселить своего друга не в лагере, а в одном из многих уцелевших после штурма зданий. Одержав победу, скифы не стали выжи-

³ Дарданы – иллирийское племя, обитавшее у северных границ Македонии. Дарданы вместе с фракийцами часто предпринимали грабительские набеги на Македонию и Грецию. Во II в. до н. э. дарданы представляли серьезную угрозу для соседей, и македонские цари были вынуждены постоянно принимать карательные меры, чтобы обезопасить свои владения от таких рейдов.

гать город дотла, ограничившись казнями греческих солдат. На город и порт Тиры Иллур имел свои планы.

– А что же царь не живет в городе? – удивился Федор, вспоминая карфагенских военачальников, которые тоже жили в шатрах, если речь шла о походе, но предпочитали сразу переехать в городские дома, если рядом обнаруживался приличный город.

– Да он у нас странный, – заметил Леха, нервно всматриваясь во что-то впереди, – мог бы жить как настоящий царь, во дворце с наложницами. Земель и городов много уже захватил. Золота целые возы нагребил. А вместо этого продолжает жить в юрте, рядом с простыми солдатами.

– Странный у вас царь, но правильный, – заметил на это Федор, покачиваясь в седле, – Ганнибал такой же. Споются.

Не успели они отдалиться от шатра Иллур на несколько сотен метров, как им навстречу выехал другой отряд, – человек двадцать длинноволосых воинов, затянутых в кожу доспехов. Федор поначалу принял их за кельтов. Но, рассудив здраво, решил, что кельты здесь не могли появиться, да и лица у всадников не были размалеваны боевыми цветами. А когда присмотрелся, вдруг с изумлением заметил, что это женщины.

Все всадницы были высокого роста, широки в плечах. Грудь, стянутая ремнями, была почти не видна, спрятанная под доспехами, металлические пластины на которых поблескивали в лучах заходящего солнца. Ноги воительниц обтягивали кожаные штаны, прихваченные на лодыжках ремешками, как у виденных Федором скифов. Обвешанные оружием с ног до головы воинственные женщины имели красивые лица, голубые глаза и длинные русые волосы, выбивавшиеся из-под искусно сделанных шлемов. Впрочем, та, что скакала впереди всех и была среди них главной, сразу сняла шлем и тряхнула своей гривой, осадив коня, едва отряд воительниц поравнялся с ними. Это была не только красивая, но и грозная с виду девушка, о чем говорил ее немалой длины меч, свисавший с боку. И мечом этим, судя по всему, красotka владела в совершенстве.

Между тем удивление Чайки было ничем, по сравнению с тем чувством, которое он прочитал на лице своего друга, – тому явно хотелось провалиться сквозь землю вместе с конем. Похоже этой встречи он никак не ожидал, и все бахвальство морпеха мгновенно испарилось. Он весь как-то съезжился и даже стал меньше ростом.

«Что это он каких-то баб испугался, – изумился Федор, – раньше с ним такого не бывало».

– Здравствуй, скиф, – обратилась к Лехе предводительница неизвестного отряда, – куда же ты пропал из земель бастарнов?

– Арчой отправил меня к царю с обозом захваченного золота, Исилая, – ответил Леха, взяв себя в руки. – А царь не отпустил меня обратно, оставив воевать здесь. Ты же знаешь, я лицо подневольное, – где Иллур скажет, там и буду воевать.

– Знаю, – кивнула амазонка, не сводя взгляда с лица Лехи, но по ее тону чувствовалось, что она не поверила ни единому слову, – я сама еду к Иллuru. Думаю, завтра на рассвете он отправит меня обратно. Но сегодня вечером я хочу встретиться с тобой, скиф.

Последние слова были сказаны таким тоном, словно Лехе назначали свидание. Причем именно назначали. С обязательной явкой. С каждым мгновением Федору становилось все интереснее наблюдать за этой сценой. Тем более что загадочная Исилая говорила с Лехой открыто, напрямую, и ей было абсолютно наплевать, что их слышат еще человек тридцать.

– Сегодня не могу, – заволновался Леха, кивнув в стону Чайки, – сегодня я должен позаботиться о царском госте.

– Но ведь ты же не должен с ним проводить всю ночь, – настаивала Исилая, скользнув безразличным взглядом по Федору.

– Нет, – признался Леха, как-то странно посмотрев на друга, – хотя, как выйдет.

Последнее он добавил, вспомнив о предстоявшей пьянке.

– Я остановилась в шатре на восточной окраине лагеря, – произнесла приговор Исиля, хлестнув коня, – прощай, скиф.

И ускакала впереди своего отряда из голубоглазых, как на подбор, амазонок.

– Это еще что за явление? – не выдержал Федор, обернувшись им вслед, когда пыль от копыт немного осела.

Его друг некоторое время собирался с мыслями, находясь в явном замешательстве. Затем он тронул коня и молча поехал вперед. Федор сделал то же самое. Отряд карфагенского посланника возобновил свой неспешный путь в Тиру. Ехали так минут пять.

– Понимаешь, сержант... – начал Леха издали, и Чайка понял, насколько его друг потрясен этой встречей, – его очень давно не называли сержантом.

– Ну, в общем, переспал я тут с одной... – начал подбирать слова бравый адмирал, – а потом с другой. А потом они из-за меня подрались. Насмерть. И эта, Исиля, другую просто зарубила своим мечом.

– Ну ни хрена себе порядки тут у вас, – изумился Федор, – нет, у нас тоже крови немало льется. В том числе из-за женщин. Но что-то я не встречал ни в Карфагене, ни среди римлян отдельных легионов, укомплектованных из одних красавиц.

– Вот тот-то и оно, – назидательно заметил Леха, понемногу приходя в себя, – а здесь они есть. И многие тысячи. Представь, каково мне приходится. Это все сарматские женщины, дальняя родня скифам. У них бабы ведут себя как мужики.

– Чего, так же крепко пьют? – удивился Федор.

– Да нет, – отмахнулся Леха, направляя коня в городские ворота, у которых стояло несколько пеших охранников, признавших его издали, – так же крепко дерутся, а многие даже крепче. Вот эта, например, Исиля, уже не один десяток своей рукой на тот свет спровела.

– Ну да? – не переставал удивляться Федор, проезжая по мощеным улицам Тиры между домами с колоннами и портиками. – А чего ты ее так боишься? Она же баба, в конце концов. Пошли ты ее подальше и все. Скажи, разлюбил, мол, ничего не поделаешь.

Леха вздохнул.

– Если я ей это скажу, – с трудом наконец проговорил он, отчего-то потеряв рукой правый глаз, – то мне придется драться с ней насмерть. Амазонки такого не прощают. Тем более эта, – хозяйка целого города. Слышал, как она со мной разговаривала? Типа я к ней в услужение нанимался, хотя я скифский адмирал.

Сказав это, адмирал немного посопел и продолжил изливать душу бывшему сослуживцу.

– Всего-то один раз и было. Я ведь, если хочешь знать, сержант, в то плавание отправился, где чуть не погиб, только из-за того, чтобы подальше от нее быть. Думал война, всякое может случиться. И с ней и со мной. Надо время потянуть. Но не вышло. А у меня ведь здесь наложница есть и ребенок родился. Буквально вчера сообщили. Мальчик. В Крыму меня ждут. Вот и не знаю, что теперь со всем этим делать.

Тем временем они миновали порт, и Федор разглядел в недалекой гавани корабли, на которых приплыл. Все три квинкеремы были на месте. Матросы занимались своими обычными делами, а морпехи стояли на палубе у борта, разглядывая акваторию. Тишь да гладь. На другой стороне лагуны по берегу виднелось несколько белых пятен, – больших домов в греческом стиле, выстроенных у самой воды.

– Ладно, брат, – решил Федор, – тут без пол-литра не разобраться. Долго еще нам ехать?

– Да вот, прибыли уже, – указал Леха на симпатичный особняк, реквизированный у кого-то из греческих купцов, – здесь ты и будешь дожидаться ответа нашего царя. А думает он иногда долго. Так что устраивайся. Отдыхай. Еда там есть.

Федор спрыгнул с коня, бросив поводья одному из подбежавших солдат. Леха оставался на лошади, не выказывая желания спускаться.

– А вино в этом домике водится? – уточнил Чайка, осмотрев снаружи двухэтажный особняк, окруженный десятком пахучих кипарисов.

– Целый погреб, – проговорил Леха, явно погруженный в невеселые размышления, – я проверял. Людей своих вон в том флигеле можешь оставить ночевать, если на корабль не отправишь.

– Рядовой Ларин, – вдруг возвысил голос Федор, видя, как мается его друг от безысходности, – слушай мою команду. А ну слезай с лошади и двигай за мной. Мне срочно нужно помочь распечатать местный погреб. А твоя голубоглазая стерва с мечом подождет. До утра еще далеко.

Повеселевший от такого предположения Леха спрыгнул с коня и отправился вслед за товарищем. Еду и вино они разыскали мгновенно. Погреб был в целости – десятки кувшинов, оплетенные виноградной лозой, стояли на полках в небольшом подвале.

– И то верно, – рассуждал Леха, вскоре устроившись за столом на внутренней террасе, откуда был виден порт и большая часть лагуны, – выпью рюмашку, может, какая мысль придет. На трезвую голову все равно ничего не придумать. Верно?

– Верно, – подтвердил посланник Ганнибала, разламывая на части хлеб и поглядывая в сторону сырной головы, обнаруженной все в том же погребе. С едой здесь проблем не было. Ларин действительно обеспечил дорогого гостя всем необходимым. Хотя одного здесь все же не хватало: Федор как ни старался не нашел в доме никаких кружек и пить друзьям пришлось прямо из кувшинов. Вся остальная посуда была разбита.

– Давай, брат, – чокнулся с Лехой своим кувшином Чайка, уставший от долгой дороги, – за счастливый случай.

Глава вторая

Веселая ночь

В тот вечер Ларин напился вусмерть и никуда не поехал. Да и Федор захмелел быстро, – стаканов не было, приходилось частить, выпивая кувшин за кувшином. А вино было хорошее с бархатистым вкусом. Умели греки вино делать, сволочи. Леха ведь не зря решил друга именно здесь поселить, поскольку только в этом доме, одном из немногих, после захвата Тиры, сохранился хороший запас спиртного. А морпеху после плавания без него никуда. Усталость тоже брала свое, – Чайка ведь с корабля сразу на переговоры с Иллуром поехал, чтобы не тратить драгоценное время. И вот только теперь мог себе позволить отдохнуть, скинув панцирь.

После третьего кувшина адмирал расслабился и решил немедленно послать всех amazons подальше.

– Никуда я не поеду, – бушевал Леха, так и не снявший доспехи, грозя кулаком потемневшему небу над бухтой, – да кто она такая, чтобы мной командовать?

Слушая вопли друга, разносившиеся над спящим городом, в котором после смены власти осталась добрая половина населения, а также гарнизон скифов, Федор пил и ел, не торопясь с выводами и размышляя над полученной информацией. Честно говоря, друга было жалко, запутался немного парень, но больше Чайку сейчас волновало, на что решится скифский царь. От этого во многом зависело будущее армии Ганнибала и его собственное.

Насытившись и расслабившись, он вдруг заметил, что стало тихо. Овернувшись в сторону умолкшего друга, Федор увидел, что бравый адмирал уже спит глубоким хмельным сном, развалившись прямо под открытым небом на лавке. «И то дело, – решил Федор, откидываясь на своей скамейке, – зачем в дом идти, на свежем воздухе хорошо. Ночи здесь теплые».

Некоторое время, глядя на огромную луну, цеплявшуюся за вершины кипарисов, он слушал бормотание друга, который все никак не мог успокоиться и с кем-то спорил даже во сне. А потом и сам заснул сном блаженного.

Однако спал он недолго. Всего пару часов, не больше. Звериное чутье, выработанное за годы войны и постоянной опасности, не дало ему спокойно провести эту ночь. Ни с того ни с сего, командир хилиархии вдруг проснулся. Его разбудил какой-то странный звук.

Не вставая, Федор прислушался. Вокруг было тихо, лишь вдали шумел прибой, а рядом стрекотали ночные насекомые. Все казалось на первый взгляд мирным. И вдруг он вновь услышал этот звук – тихо скрипнул песок на каменной плите под подошвой башмака. Кто-то приближался, пробираясь вдоль ограждения террасы.

«Странно, – подумал Чайка еще хмельным сознанием, – троих солдат я отправил на корабль, а оставшихся уложил во флигеле, может, кто из них решил меня проведать? Вряд ли. А может это просто воры?»

Повинуясь инстинкту, он решил сделать вид, что спит и подождать развязки. Меч и доспехи Чайка положил в доме, оставшись только в хитоне и сандалиях. Если придется драться, то бежать за ними долго. «Ладно, – успокоил себя боец, разглядев на столе полупустой кувшин на расстоянии вытянутой руки, – придется обойтись подручными средствами. Не в первой».

Между тем осторожные шаги приблизились и затихли с той стороны невысокого ограждения напротив стола. Человек остановился. Терраса хоть и выходила на бухту, но была внутренней частью дома, и попасть с улицы на нее было невозможно. Дом стоял прямо на обрывистом берегу. «Неужели кто-то из своих, – удивился Федор, заметив отблеск луны на доспехах неизвестного, на секунду выдавшие его положение, – это же солдат в полном вооружении».

Федор напрягся, приготовившись отразить нападение. Кем бы ни был тот человек, притаившийся в двух метрах, он явно пришел сюда с недобрыми намерениями. И едва он взялся за ограждение, подтянувшись и быстро перекидывая через него свое тело, облаченное в кожаный

панцирь, как Чайка резким движением схватил со стола кувшин, вскочил и врезал непрошеному гостю глиняным сосудом в лоб. Раздался треск. Кувшин разлетелся на черепки от удара о незащищенную голову, и солдат мешком рухнул обратно вниз, распластавшись на камнях у террасы.

Федор подскочил к ограждению и быстро оглядел тело. Человек был один, и это действительно был морпех Карфагена, один из его охранников. В первое мгновение Федор решил, что ошибся насчет его намерений. Однако вскоре Чайка разглядел блеснувший в лунном свете клинок кинжала, который оглушенный солдат по-прежнему сжимал в руке.

В следующую секунду выяснилось, что нападавший был не один. Обернувшись назад, Чайка увидел еще двоих солдат, что выскочили из дома на террасу с мечами в руках. Ситуация обострилась. Федор бросил взгляд на друга. Но с удивлением заметил, что от звона разбившегося кувшина и глухого шума упавшего на камни тела он даже не проснулся. Леха храпел на своей лавке как ни в чем не бывало, проклиная во сне амазонок.

– А, так да вы действительно за мной пришли, – словно обрадовался Федор и пнул лавку, на которой спал его друг. – Леха, вставай у нас гости.

Леха свалился под стол, промывав что-то нечленораздельное, но просыпаться отказывался. Тем временем солдаты, которые должны были его охранять, бросились вперед с явным намерением его убить. Не дожидаясь, пока его зарежут собственные охранники, безоружный Федор подхватил скамью, на которой спал Леха, и с разворота приложил ей первого, подскочившего к нему воина. Удар оказался удачным, солдат отлетел на пару метров и даже выронил меч. От удара второго бойца Чайка увернулся, потом пригнулся под просвистевшим клинком и нанес ответный удар ногой в пах. А когда солдат согнулся пополам, въехал ему со всей силы коленом в лицо. Раздался хруст. Похоже, от такого страшного удара нос у солдата сломался. Но это не разжалобило Федора, который новым ударом ноги отправил его в нокаут, подхватил выроненный им меч и, отпрыгнув на пару шагов назад, приготовился к отражению новой атаки.

Другой солдат, оклемавшись, поднял свой клинок, блеснувший в свете угасавшей луны – уже начинало светать, – и в ярости бросился к нему. По пути он заметил вылезавшего из под стола Леху и походя ударил того ногой по голове. Взыв от боли, морпех снова улетел под стол, а ударившись о массивную ножку, похоже, окончательно проснулся. Во всяком случае оттуда донесся отборный мат. Леха очень не любил, чтобы его будили таким способом.

Схватившись на клинках с нападавшим, Федор быстро понял, что перед ним настоящий боец. Пара ударов, просвистевших в сантиметре от лица, и один, вспоровший хитон на боку, быстро заставили командира хилиархии окончательно протрезветь. Но и он был не из последних солдат. Отразив еще одну серию ударов, загнанный в угол террасы Чайка перешел в наступление. Он нанес несколько рубящих ударов, способных рассечь бревно средней величины, и если бы один из них достиг цели, то исход схватки был бы уже решен. Но его бывший охранник не сдавался и поединок шел в полумраке с переменным успехом. Они прыгали вокруг стола, пытаясь нанести друг другу смертельный удар, но лишь пару раз зацепили друг друга.

– Ну и кто тут, твою мать, мне спать мешает? – раздался позади них грозный рык, – амазонки напали? Ну я сейчас вам покажу, бабье! Держись, сержант!

Разъяренный Леха выхватил свой меч и двинулся было на выручку другу. Но в этот момент снаружи послышался шум, и на террасу вбежало еще пятеро вооруженных мечами и короткими копьями людей, одетых как обычные горожане и не похожих на солдат Карфагена. Чайка уже мог рассмотреть их в предрассветных сумерках.

– А это еще кто? – прямо спросил у своего противника Федор, отскакивая в сторону. – Твои помощники из местных бандитов, на случай если сами не справитесь?

– Ты прав, – ответил боец, не таясь, – вам не уйти. Дом окружен.

– Ну это мы еще посмотрим, ублюдок, – крикнул Федор, запрыгивая на ограждение, – попробуй, возьми, сначала!

Поднявшись над террасой, он увидел, как Леха отбил два направленных в его сторону копья и проткнул насквозь одного из нападавших. Того, на котором не было доспехов. Впрочем, он был сейчас в такой ярости, что и доспехи не спасли бы. Еще двое бросились на помощь к последнему оставшемуся в строю карфагенскому солдату.

Впрочем, Федор рано списал остальных. Парень со сломанным носом уже поднялся. Да и первый, тот, которого он приголубил кувшином по голове, очнулся и, выхватив меч, смотрел на него безумными от ярости глазами снизу. С террасы приближались сразу трое. Они понимали, что нападение затянулось, жертва слишком долго сопротивлялась, не ровен час шум могли услышать скифские патрули, разъезжавшие по улицам. И решили ускорить процесс. Каким-то чутьем Федор уловил движение копейщика и увернулся от просвистевшего мимо дротика.

– Держись, Леха, – крикнул он и, не дожидаясь следующего копья, прыгнул вниз, где его поджидали.

Взметнувшуюся руку с клинком он увидел отчетливо и, уйдя чуть в сторону, резким движением отсек ее кисть. Раздался дикий вопль, а затем Федор услышал звон и мягкий шлепок. Это отрубленная ладонь вместе с клинком упала на камни замощенного двора. Зажав окровавленную руку, раненный боец с криками бросился бежать куда-то во двор. Но Федор настиг его и всадил в бок острие меча.

Второй охранник уже перемахнул через ограждение, оказавшись у Чайки за спиной. Федор развернулся и, петляя, чтобы не получить копье в спину, чуть отбежал в сторону. Охранник последовал за ним. Приблизившись к обрыву, рядом с которым росло несколько кипарисов, Леха укрылся в их тени от копейщиков. Приготовившись к отражению новой атаки, он бросил взгляд в сторону террасы, где Ларин рубил направо и налево нападавших бандитов.

– А ну в очередь, сукины дети, – орал Леха, сверкая клинком и отправляя в полет ударом кулака очередного зарвавшегося грека, которого только что лишил оружия, – я же сказал, в очередь!

– Тебе конец, Чайка! – крикнул охранник, бросаясь на командира хилиархии, – тебе не убежать отсюда!

– А я и не собираюсь, – сплюнул сквозь зубы Федор, – иди ко мне, щенок.

Отбив направленный в грудь клинок, он нанес своему противнику ответный удар в голову кулаком, свалив его на землю.

– Ты слишком слаб для того дела, за которое взялся, – процедил сквозь зубы Федор, вдруг подумав о том, что даже не знает, как зовут этого и остальных охранников. Он взял их с собой просто потому, что они были самыми рослыми из команды морпехов. Как гвардейцев на парад.

Солдат быстро поднялся и, перехватив клинок, с криком вновь бросился на него, вложив в этот удар всю накопившуюся ярость. Федор подталкивал его именно к такому броску. Легко уйдя в сторону, он, чуть присев, рубанул мечом по ребрам, рассекая кожу панциря. Удар его противника пришелся в пустоту, и боец, промахнувшись, с криком рухнул с обрыва вниз, срывая за собой небольшой камнепад. Прокатившись по наклонной плоскости несколько метров, тело охранника оторвалось от скалы и, пролетев еще метров пятнадцать вниз, глухо ударилось о прибрежные камни. Федор, осмотревшись и не увидев противника поблизости, подошел к краю обрыва, пытаясь разглядеть его. Но сумерки были еще слишком плотными, и внизу царил полумрак. Однако звук удара был отчетливым, и можно было не переживать о том, что парень выжил. Шансов никаких.

– Впрочем, – подумал вслух несколько с опозданием Чайка, – надо бы хоть одного захватить живым и побеседовать. Что-то не нравится мне это вмешательство в переговоры в первом же раунде.

Краем уха Федор вдруг услышал новый шум снаружи. Еще несколько вооруженных людей вбежало на террасу из дома. Но двигались они как-то суетливо, скорее убегали, чем

наступали. «Только бы не подмога к этим гадам подросла, – напрягся он, – а то не отобьемся, – многовато их сегодня на наши головы».

Федор бросился бежать и, сделав несколько прыжков, оказался на террасе, с ходу рубанув по голове одного из копейщиков подбиравшегося к Лехе сзади. Бандит обмяк и рухнул на мозаичные плиты, выронив копье. То, что Чайка, приготовившийся к новому наплыву гостей, увидел затем, ему запомнилось надолго.

В просветлевшем утреннем воздухе на заваленную трупами террасу ворвалось несколько амазонок, и впереди всех была Исиля. Без шлема, с разметавшимися во все стороны длинными волосами, она показалась Чайке богиней возмездия. Красотка размахивала своим длинным мечом так, словно косила траву. Буквально за несколько мгновений, на глазах изумленного Федора, она рассекла отточенными движениями почти пополам троих стоявших перед ней греков. А затем отрубила голову едва подымавшемуся на ноги охраннику с переломанным носом, уничтожив в горячке последнего свидетеля. Другие амазонки также ловко расправились с оставшимися бойцами, кого проткнув, а кого зарубив.

– Ты не пришел, и я сама приехала к тебе, – заявила Исиля скифскому адмиралу как ни в чем не бывало, поигрывая окровавленным мечом, – и кажется вовремя.

– Да, на нас напали, – пробормотал Леха, обалдевший от новой встречи с амазонкой.

– Иллур оставил меня здесь на несколько дней, – сообщила Исиля и ее голос немного потеплел, – так что у нас еще будет время для встреч.

И не сказав больше ничего, удалилась вместе со своими воительницами, даже не посмотрев в сторону карфагенского посланника.

– Серьезная девушка, – проговорил Федор, глядя ей вслед.

Опустив меч, Ларин молчал, также не сводя глаз с опустевшего дверного проема, в котором только что исчезла последняя амазонка. Затем он перевел взгляд на друга, и Федор прочитал в нем глухую обреченность.

– А может, не стоит отказываться от такой партии, – не удержался командир хилиархии от ерничества и похлопал Леху по плечу. – Красавица, дерется будь здоров, сам видел. Ты за ней как за каменной стеной будешь.

– Да пошел ты, сержант, – беззлобно пробормотал Леха, – давай лучше еще выпьем.

Подняв стол, они сходили в погреб за вином и выпили еще, ничуть не смущаясь тем, что вокруг валялись окровавленные трупы. Лехе сейчас было не до этого, а Федор не мог не поддержать друга в трудную минуту. Так они и встретили рассвет нового дня.

– Я хочу знать, как на мой корабль попали эти люди? – допрашивал, спустя несколько часов, посланник Ганнибала капитана своей квинкеремы, который явился к нему в дом с обычным докладом и застал там полный разгром.

При этом Федор Чайка указал на трупы двух мертвых солдат Карфагена. У одного была отрублена рука, а у второго голова. Третий находился слишком далеко, у линии прибоя. Капитан, облаченный в доспехи бородатый финикиец, внимательно рассмотрел изуродованные лица и сказал с сомнением в голосе:

– Этих двух и еще двадцать человек мне прислали в последний день перед отплытием для того, чтобы укомплектовать команду.

– Кто прислал? – наседал Чайка, которому так и не удалось выспаться, зато удалось хорошо набраться. Впрочем, чтобы не показать подчиненному свое истинное лицо, он не вставал со скамьи.

– Капитан квинкеремы, которую утопили римляне в последнем бою. Часть спасшегося экипажа и морские пехотинцы были расформированы по другим кораблям. Суматоха была сильная, я не успел всех проверить. Да и зачем?

– Ладно, – отстал от него Федор, понимая, что на войне может быть все, и капитан не виноват, – до отплытия усилить мою охрану. Пришли мне десяток самых проверенных людей, за которых отвечаешь головой.

– Выполню немедленно, – слегка поклонился капитан квинкеремы.

– Где остальные охранники, которые были со мной вчера? – спросил Чайка и, прищурившись, посмотрел на солнце.

– Они на месте, несут службу, – оправдывался капитан, – что прикажете сделать с ними?

– Заприте их, пока я с ними не побеседую. С корабля не отпускать и следить в оба. Не уверен, что они были заодно. Но, не дай бог, сбегут, – приказал Федор, – и еще.

Он помолчал, облизнув губы.

– Тут был третий, который доставил мне больше всего беспокойства. Ночью я сбросил его со скалы вниз. Немедленно отправьте туда поисковую команду на лодке, я хочу убедиться, что все они мертвы.

Капитан, получив задание, ушел, оставив у входа в дом четверых солдат, двое из которых сразу принялись убирать трупы греков.

– Жаль, конечно, поговорить не удалось по душам, – заметил Федор, обернувшись к сидевшему напротив скифскому адмиралу, уже разомлевшему от жары, – интересно, кто их подослал ко мне и откуда взялись эти греки.

– Наверное, из местных, – предположил Леха, – предоставь это мне. Я вытрясу из поселенцев душу, но найду тех, кто помог твоим налетчикам.

– Благодарю, – кивнул Федор, – если подкинешь информацию. Хотелось бы понять, кому я не угодил. Уверен, скифы тут не причем. Этих ребят я привез с собой и скорее всего их командир находится в Италии, а может, и еще дальше.

Посмотрев на смурного друга, который пил очередной кувшин, не обращая внимания на жару, Чайка перехватил его руку и сказал.

– Слушай, Леха, расслабься. Съезди ты к ней и приголубь, она на какое-то время остынет. Бабе ведь что надо... ну, сам понимаешь. А там, глядишь, и образуется как-нибудь.

– Ладно, сержант, разберемся, – отмахнулся Леха, – если пока нас больше никто не хочет убить, то я пойду в дом спать. Надо в себя прийти, а то еще, не дай бог, Иллур захочет видеть.

– Отличная идея, – поддержал Федор, вставая на нетвердые ноги, – я тоже вздремну пару часиков.

И друзья, слегка покачиваясь, направились в комнату, где царила прохлада. Там оба рухнули на кушетки в разных углах и почти одновременно захрапели. Первая ночка после прибытия выдалась на славу.

Когда Федор проснулся, то увидел, что друга на месте нет. А, облачившись в доспехи и выйдя во двор, застал там капитана квинкеремы, который прибыл с десятком морпехов, тащивших на парусине тело третьего солдата. Неудавшийся убийца был весь переломан, а лицо, ободранное о камни, превратилось в кровавую кашу.

– Ясно, – кивнул Федор, окинув взглядом останки, – выбросьте его собакам. Ты не видел скифского адмирала?

– Ваш друг попался нам по дороге сюда, – ответил капитан, – проскакал мимо. Сейчас он, наверное, уже у самых ворот Тиры.

– Тогда пойдём на корабль, – кивнул Федор, – я хочу поговорить с теми тремя. И приберите здесь все.

Разговор с остальными охранниками не вызвал особых подозрений, кроме одного, – последний раз убедил Федора в том, что вся троица планировала это нападение заранее. Вчера вечером он разрешил троим бойцам вернуться на корабль, оставив вопрос, кому именно возвращаться на усмотрение самих солдат. И между ними даже вышел спор, который кончился тем, что трое убийц даже предложили своим сослуживцам деньги, сообщив, что им очень хочется

заночевать на твердой земле. Мол, они в морпехах недавно и устали все время находиться на палубе. На том и порешили. Ну а все, что произошло дальше, Чайке рассказывать было не нужно.

Этих троих он велел выпустить из-под ареста. Вряд ли они были заодно. Впрочем, его беспокоило другое. Если он умудрился собственноручно выбрать из общей массы себе в охранники троих подосланных убийц, то неизвестно, сколько их еще могло оставаться среди экипажа. Капитан говорил, что принял на борт двадцать два человека с другого корабля. Не факт, что все они были подосланы, но расслабляться было рановато.

Впрочем, вдаваться в панику по поводу случившегося Федор тоже не собирался. Назвался груздем, как говорится, будь готов, что тебе перережут глотку. А он сейчас, хотел того Чайка или нет, от имени Ганнибала вершил мировую политику. Иначе и не сказать. А на этом пути могла найтись масса желающих не допустить возникновения нового союза. От Рима до самого Карфагена.

«Так что, смотри брат, Тертуллий в оба, – мысленно усмехнулся Федор, спускаясь с корабля по трапу в окружении десяти новых охранников, отобранных лично капитаном. И подумал – хорошо бы это посольство побыстрее закончилось. Потом убивать меня будет уже не так обязательно».

Боги слышали его молитвы. У ворот своего временного жилища, где теперь постоянно дежурили морпехи с флагманского корабля, сменяясь каждые два часа, Федор заметил гарцевавшего на коне скифа, панцирь которого, похожий на рыбью чешую, переливался на солнце. Всадник прискакал другой дорогой, но оказался у дома одновременно с карфагенским посланником.

– Иллур желает тебя видеть, – сообщил скиф и, поигрывая плеткой, добавил, – немедленно.

– Передай царю, что я еду следом за тобой, – ответил Чайка.

Испустив вопль, скиф ускакал, а Федор переоделся в парадные, синие с золотыми нашивками, доспехи и в окружении многочисленной охраны, незамедлительно явился в юрту Иллур. Пройдя сквозь строй вооруженных копьями пехотинцев, он откинул полог и вошел внутрь. На сей раз царь скифов был один. Он стоял в дальнем конце юрты, рассматривая какой-то свиток, на котором Чайка заметил карту, – реки и горы, нарисованные вполне фактурно. Федор невольно вспомнил человека, попавшегося ему навстречу. Низкорослого скифского военачальника. Похоже, Иллур получил очередное донесение с отдаленного театра военных действий.

– Я слышал о том, что случилось, – заявил Иллур, сворачивая свиток, – прости, что мой человек не смог уберечь тебя от этого нападения.

– Он не виноват, – поспешно заявил Федор, не желая, чтобы на голову несчастного морпеха пало наказание, – на меня напали мои собственные люди. Кто-то хочет расстроить наш союз.

– Ему это не удастся, – заявил Иллур, обернувшись и посмотрев в упор на карфагенского военачальника, – я принимаю союз с Ганнибалом. Так и передай своему хозяину. Не пройдет и нескольких месяцев, как мы разобьем гетов, а затем вторгнемся в Эпир.

– Это мудрое решение, – ответил Чайка, поклонившись царю скифов. – Когда вы подойдете к Македонии, Филипп пришлет к тебе своих послов. Покажи им вот это.

Федор снял с шеи цепочку, на которой висела золотая птица с обломанным крылом.

– Македонцы в день встречи привезут с собой недостающую часть медальона. Так ты поймешь, что им можно доверять. А когда ваши армии окажутся на побережье, пришли к нам своего посланника, чтобы мы узнали об этом.

– Когда мы выйдем к дальнему морю, все узнают об этом, – рассмеялся Иллур, принимая птицу из рук Федора, – но если Ганнибал так хочет, я пришлю к нему посланника с доброй вестью.

– Лучше, если это будет твой кровный брат, – добавил Федор, – Впрочем, как пожелаешь. Думаю, к тому времени мы будем уже в Таренте. Я отплываю немедленно, чтобы скорее обрадовать своего хозяина.

– Ты можешь отплыть, когда пожелаешь, – кивнул Иллур, давая понять, что встреча окончена, – главное уже сказано.

Весь остаток дня солдаты под руководством Федора занимались пополнением запасов, опустошая греческие склады, которые оборонявшейся стороне так и не удалось уничтожить во время штурма. Когда стемнело, все было готово, но Федор задержал выход в море до утра. Не было особой необходимости плыть ночью, да и Леха куда-то запропал. Уехав тогда, он пока никак больше не давал о себе знать. Но на следующее утро Федор, нервно разгуливавший по палубе, с радостью заметил знакомую фигурку всадника, который неся во весь опор, стуча копытами по мостовой.

– Извини, сержант, задержался, – выдохнул Леха, взбежав по трапу на палубу квинкеремы.

– А я уж думал, не увидимся перед отплытием, – ответил Федор, обнимая друга, – что-то у тебя усталый вид. Неужели, решил свою проблему?

– Ну решил не решил, – отмахнулся явно повеселевший Леха, вытирая пот со лба и вспоминая о событиях недавней ночи, – а на время отодвинул. Что дальше будет, поглядим.

– Ясно, – кивнул Федор, – только не забудь в Крым съездить, ребенка навестить.

– Само собой, – ответил Ларин, – Это святое. Ладно, плыви, сержант. Не люблю долго прощаться. Да и скоро свидимся, Иллур ведь согласился.

– Еще повоюем, – подтвердил Федор, – и ты не скучай, адмирал.

Глава третья

В земли гетов

Из Крыма Леха вернулся довольный и веселый. Выпросил у кровного брата «краткосрочный отпуск», чтобы посмотреть на недавно родившегося сына. Иллур, не долго думая, отпустил. Несмотря на то что предложение тайного посланника Ганнибала он принял, с наступлением не спешил. Дальше на юг перед ним лежали земли многочисленных противников, и первыми предстояло разгромить гетов, конечно, уступавших скифам в военной организации, но все же достаточно сильных и хорошо вооруженных. Конница у них была неплохая. Иллур не сомневался в победе, но как мудрый и дальновидный военачальник, который только начинал свое победное шествие по миру, тщательно готовил удар, прежде чем его нанести.

– Езжай, – сделал царь скифов широкий жест, – на сына посмотри. Потом долго его не увидишь.

Леха даже вздрогнул от такого напутствия. Спешившись, они стояли на берегу моря. Позади, на некотором расстоянии, расположилась сотня охранников Иллора. Кровные братья вместе часто объезжали окрестности под вечер или на рассвете, – царь скифов любил конные прогулки, и никто не мог упрекнуть его в том, что он «потерял форму».

– Эта война может затянуться, – пояснил Лехе Иллур, поглядывая на бесконечный горизонт над морем. – Когда мы нападём, геты сдадутся не сразу. Они понимают: я пришел не уговаривать, я пришел покорять. Битва будет жестокой. Но мы победим. А потом нас ждет еще много сражений.

И развернувшись в сторону коней, к которым они направились неспешным шагом, Иллур добавил.

– Тем более что я жду гонцов от Арчоя. Он должен был уже привести к покорности бастарнов и захватить их земли по берегам Тираса до самых гор. Орития тоже должна скоро объявиться. Сама. Так что, Ал-лэк-сей, к твоему возвращению я буду знать уже все, что нужно. А может быть, ты даже успеешь побывать на военном совете.

Услышав тогда про Арчоя и бастарнов, Леха немного напрягся. Эти слова означали для него воспоминания, связанные с голубоглазой хозяйкой Еректа. Недавно Исилея, получив свое, уже отбыла обратно к амазонкам. Надо сказать, Леха был несказанно рад этому. Его же Иллур не спешил отправлять в земли бастарнов. Особенно после удачного штурма Тиры, где флот так отличился под руководством бравого адмирала. Какую роль Иллур отвел ему в предстоящем наступлении, Леха еще не знал, но пока и не особенно хотел знать.

Гораздо больше морпеха интересовало, как ему жить дальше и все объяснить Заране. Хотя он и понимал умом, что можно ничего не объяснять, – все же Зарана для него наложница, – каких он мог себе позволить еще сотню. Но после рождения сына, он в глубине души называл ее только женой и, несмотря на довольно свободные порядки, не мог выкинуть из головы установку из прошлой жизни, что жена должна быть всего одна.

Не умея долго изворачиваться, Леха, прибыв в свое крымское стойбище вместе с сотней всадников, первым делом посмотрел на сына, – мальчик был здоровый и крикливый, весь в отца, – а потом признался Заране, что был с другой. Рассказал почти все.

Узнав, кто она, Зарана неожиданно успокоила морпеха, сообщив, что место свое знает и будет его любить всегда, что бы он не решил с ней сделать – оставить или продать. Лишь бы не разлучал с сыном. А если захочет перебраться в Ерект, то она готова и там быть его наложницей, если, конечно, Леха возьмет ее с собой.

Такая мудрость и покорность судьбе потрясла скифского адмирала, а перспектива жить втроем, озвученная Зараной, или вообще среди десятка других наложниц выглядела для него совершенно ошеломляющей. Он сам о таком даже не подумал.

Чтобы справиться со свои чувствами, тем же вечером Леха приказал слугам немедленно устроить себе ужин в дальней юрте и напился со своим сотником и бойцами, закатив грандиозный пир по случаю рождения сына. Даже выдал каждому по несколько золотых монет, отобранных у бастарнов.

На том пиру brave адмирал выпил подряд несколько кувшинов отличного вина, совершенно захмелев. Надо было как-то снимать стресс. Слишком давно он носил в себе это, а тут, на тебе, такой поворот.

«Впрочем, – размышлял вечером сильно выпивший Леха сидя почти в обнимку с Уркуном у тлевшего в юрте очага, – если Зарана и согласится на такой вариант, то уж Исилия точно соперниц не потерпит. Еще зарубит мою наложницу, оставив сына без матери. Нет уж, пусть они порознь проживут, жизнь покажет. Да и никто меня пока в Ерект не зовет. Нечего мне там делать. Что я, сармат что ли, бабам подчиняться?»

– Да ты что, Ал-лэк-сей, какой же ты сармат. Ты скиф! – услышал он удивленный возглас Уркуна.

Оказалось, что совершенно пьяный адмирал последние слова произнес вслух, немного встревожив своего сотника неожиданным заявлением. «А ведь я даже не скиф, – еще больше распалился Леха, еле сдерживаясь, чтобы не озвучить и эту мысль, – я русский, брат. Русский».

От нахлынувших мыслей ему вдруг сделалось невыносимо грустно. Он залпом выпил еще один кувшин и, выпроводив всех из юрты, заснул мертвым сном, забывшись, наконец под утро.

А проснувшись, поспешил отбыть обратно в «действующую армию». Поцеловал тихую Зарану и спящего сына, сел на коня и ускакал, бросив напоследок:

– Не бойся. Я тебя не брошу.

В нем все еще бурлило, хотя главный страх прошел. Теперь он чувствовал себя намного свободнее, но все же хотел быстрее забыться в пылу схватки с врагами. Отвлечься от семейных проблем на настоящее мужское дело. А лучше войны ничего было не придумать.

Миновав Ольвию, он прибыл обратно в Тиру, которая теперь считалась главной базой скифов для предстоящего наступления на юг. Здесь теперь находились оба греческих инженера Гилисподис и Калпакидис и стоял почти весь ударный флот. Едва миновав охранение лагеря, Леха сразу явился на прием к царю, ожидая застать того в окружении амазонок и гонцов Арчоа. Тем более что у самого лагеря ему попало несколько отрядов воительниц и кое-кто из скифов, знакомых по сражениям в землях бастарнов.

Но кровный брат застал царя в совершенном одиночестве. Совет уже закончился. Иллур, однако, пребывал в великолепном расположении духа. Он мерил шагами юрту, радостно потирая ладони и поглаживая бороду. В общем, вел себя так, словно отпали последние сомнения, и он мог приступить к давно задуманному делу. А главным делом Иллура была война.

– Я смотрю, совет прошел удачно, – заметил Леха, оказавшись в юрте и пару секунд понаблюдав за перемещениями кровного брата.

– Да, я доволен, – кивнул Иллур и наконец сел к низкому столику, на котором по обыкновению виднелись фрукты и вино, – угощайся, Ал-лэк-сей, выпей вина с дороги.

– Не откажусь, – кивнул Леха, усаживаясь рядом на ковер. Взял чашу с красным вином. Отпил глоток, посмаковав терпкий вкус. Вино было отменное.

– Ну как съездил, – вдруг спросил Иллур, словно ничего более важно сейчас не существовало, – видел сына?

– Видел, – подтвердил Леха, – весь в меня.

– Молодец, – похвалил Иллур, – на одного скифа стало больше. Сын – это награда богов. Это будущий воин, который продолжит наше дело.

– Но ведь он рабыней рожден, – осторожно напомнил Леха, – разве он будет считаться свободным? И моим законным наследником?

– Будет, – подтвердил Иллур, – сын моего кровного брата, кем бы он ни был рожден, будет свободным. Если ты, конечно, сам не пожелаешь иначе.

– Не пожелаю, – быстро ответил Леха.

– Значит, так тому и быть, – подвел черту Иллур.

Отпив вина, он помолчал. Со стороны казалось, что этот бородатый скиф смакует вино, но Леха ясно видел, что не от вина получает наслаждение сейчас царь, а от того, что готовится сказать своему кровному брату.

– Мы начинаем новый поход, – проговорил наконец Иллур, подняв на сидевшего напротив морпеха грозно сверкнувшие глаза, – через два дня армия уйдет из-под Тиры и вторгнется в земли гетов. Я узнал все, что хотел.

– Отлично, – согласился Леха, хлопнув себя по коленям, – начнется настоящее дело. А то я уже заскучал. Что прикажешь?

– Мы переправимся через Пирет и основной удар нанесем в сердце гетам, – продолжал излагать свою мысль царь, – большое войско в степи поведу я сам. Орития и Арчой обойдут горы и ударят в тыл гетам.

– А как же побережье? – не выдержал Леха, – оно, что, за гетами пока останется? Мне-то чем тогда заняться?

– Не беспокойся и для тебя найдется дело, – осадил его кровный брат. – Вдоль побережья ударит Аргим с двадцатью тысячами воинов. Он будет наступать до самых земель Палоксая и приведет его покорности.

Иллур плотоядно ухмыльнулся.

– Если глупый Палоксай не хотел сам встать на нашу сторону, а предпочел мне греков, то царство его будет сожжено. На этой земле будет только одна Великая Скифия.

– Хорошая мысль, – кивнул Леха и, вспомнив о предателе Иседоне, быстро пришел в ярость, – позволь мне, когда мы захватим его царство, лично казнить старейшину Иседона? У меня с ним счеты, ты же знаешь.

– Посмотрим, – поговорил царь скифов, слегка нахмурившись и поставив на столик пустую золоченую чашу, – предателей мы, конечно, казним, чтобы дать урок другим. Но если нам удастся захватить Палоксая, то я сам с удовольствием посмотрю на его смерть. А Иседон... ладно, дарю тебе его жизнь.

– Вот спасибо, – обрадовался Леха, уже предвкушая, как рассчитается с обидчиком, продавшим его грекам.

Иллур встал и прошелся по юрте, в которой становилось душновато. Солнце снаружи палило нещадно.

– Командовать на суше будет Аргим, а ты с частью флота пройдешь вдоль побережья и будешь его поддерживать с моря, – царь скифов, как оказалось, еще не до конца выразил свою волю, – а когда вы окажетесь у знакомого тебе берега, захватишь порты Палоксая. Отправляться можешь немедленно. Гонцов Аргим будет слать мне постоянно, так что сообщай мне через них все, что происходит.

Леха вскочил, не заставив себе повторять дважды.

– Уж можешь поверить, – пообещал он кровному брату и даже погрозил невидимому обидчику кулаком, – я этого гада из-под земли достану. Никуда не денется.

Направляясь в шатер к командиру корпуса, с которым ему предстояло теперь вместе воевать, Леха вспомнил о данном Федору обещании найти помощников убийц, напавших на них тогда ночью. Он уже предпринял кое-какие усилия и обнаружил главаря из местных греков-контрабандистов, но тот был убит при попытке захвата. Так что все концы оказались обрублены. «Во всяком случае, я попытался помочь, – слабо утешил себя скифский адмирал, – надеюсь, Федьке повезет больше. Он головастый, разберется».

Пообщавшись с Аргимом, здоровенным и высоким воякой, затянутым в чешуйчатый панцирь, Леха остался доволен знакомством. Раньше он никогда не видел этого военачальника. Все это время Аргим воевал в далеком тылу с Боспорским царством, предавая его огню и мечу, и лишь недавно прибыл из Крыма на «западный фронт». Боспорские греки, как недавно узнал Леха, были сильно потрепаны, но не уничтожены совсем. Много городов Аргим взял и сжег, а людей казнил, но Боспор все еще сохранил часть своей территории и довольно сильный флот.

– Ничего, – ответил на немой вопрос Лехи скифский военачальник, почесав бороду, – теперь они надолго присмирят и не смогут нанести нам удар в тыл. Потому Иллур и вызвал меня сюда. Здесь мы нанесем главный удар.

– Это так, – согласился Леха и после обсуждения первых совместных шагов заметил, – Эннеру, конечно, придется оставить в Тире. Нечего ей делать на Истре, она уж слишком большая. А там, у берегов, еще греческие триеры рыщут, можно только зря потерять отличное штурмовое орудие. Если что, Иллур мне этого не простит. Ведь дальше греческих городов по берегу еще много будет. Пригодится.

– Ал-лэк-сей, – рассудил рослый скиф, нахмутив свои кустистые брови, – ты командуешь на море, ты и решай. Возьми кораблей, сколько нужно, и будь готов отплыть. На рассвете мы выступаем.

– Раньше всей армии? – удивился адмирал.

– Да, – кивнул военачальник конницы, – против нас на побережье геты держат не так много воинов. Они знают, что Иллур ударит в глубь степей. А здесь противник слабее, хотя сопротивляться тоже будет жестоко. Ведь отступать им вдоль берега некуда, дальше только земли Палоксая.

– Ничего, – подмигнул Леха Аргиму и даже хлопнул того по плечу, развеселившись при мысли о скором наказании предателей, – пощупаем оборону гетов. К рассвету я буду готов.

Когда солнце едва осветило береговую линию Тиры, в порт на флагманскую триеру адмирала, которую тот окрестил «Ойтосиром», по имени бога силы, прибыл гонец от Аргима. Конные скифские орды пришли в движение. Глядя с корабля на всадников, что неслышно скользили вдоль берега на своих быстрых скакунах, поблескивая чешуей панцирей и островерхими шлемами, Лехе вдруг захотелось самому прокатиться с ними. Желание было настолько сильным, что моряк и конный разведчик в одном лице, по воле Иллур, даже захотел сойти на берег, временно перепоручив командование Токсару. Тому самому толковому скифу, что участвовал с Иллуром и Лехой в первых маневрах новоиспеченного флота кочевой империи. Но, поборов это желание, Леха вскоре передумал. Адмирал, как ни крути, должен находиться со своим флотом. Даже скифский.

А потому махнул рукой и приказал Токсару отчаливать из защищенной гавани в открытое море. Бородач Токсар с обветренным лицом и колючим взглядом, напоминавший Лехе своим видом хищную птицу, мгновенно озвучил приказ. Гребцы, взявшись за весла, одновременно погрузили их в воду, плавно разгоняя корабль, за которым потянулись из гавани остальные.

Стоя на корме рассекавшей волны триеры, Леха вспомнил, как этот скиф попал на флагманский корабль. Токсар, в отличие от других бывших конных воинов, оказавшись во флоте, выполнял работу артиллериста с огоньком. И даже успел отличиться при взятии Херсонеса. Но флот рос на глазах. И Леха, когда встал вопрос о подборе нужных людей в командный состав, вспомнил о нем. Сначала скифский адмирал велел перевести Токсара из Крыма «главным артиллеристом» своего корабля в Тиру. А поняв, что тот за время службы на море стал неплохо разбираться и в управлении триерами, начал поручать ему командование кораблем и даже небольшими соединениями.

Постепенно Токсар вошел в доверие настолько, что стал правой рукой скифского адмирала, любившего частенько покидать свой флот. Вот и на этот раз, несмотря на свой адмираль-

ский чин, Леха едва не решил начать наступление посуху. Благо в здешних водах греческих триер не наблюдалось, равно как и солдат противника поблизости. Захотелось ему проехаться в седле, ведь потом предстояло все время проводить на тесной палубе триеры. «Ойтосир», конечно, был хорошим и быстрым кораблем, но с «Тамимасадасом» сравниться не мог. Ни по ширине палубы, ни по огневой мощи.

Поначалу адмирал вообще не собирался брать в поход большие корабли. Ведь после десантной операции и захвата побережья Малой Скифии предстояло дальше двигаться вверх по реке. А Леха хоть и был наслышан о полноводности и протяженности Истра, все же опасался, что квинкеремы окажутся слишком громоздкими для такого плавания. Не имея подробных карт и сведений насчет фарватера, скифский адмирал боялся, что их можно будет легко посадить нам мель.

Впрочем, пять квинкерем скифский адмирал по зрелом размышлении все же взял, в том числе и «Тамимасадас». Они могли пригодиться после десантной операции для охраны устья и побережья от внезапного вторжения греков и удара в тыл. Колонистов из Том и Одесса тоже нельзя было пока сбрасывать со счетов. Как только неподалеку начнется серьезная заваруха, выбора у них не останется. Не исключено, что греки решат присоединиться к войскам союзного им Палоксая и воевать вместе против Иллуря.

«Квинкеремы, конечно, пригодятся на начальном этапе, но дальше надо действовать малым флотом, – размышлял вслух Леха, наблюдая, как остальные корабли покидают лиман, – десяти триер и такого же количества бирем для подъема по реке будет достаточно. В случае чего прикажу еще прислать. Гилисподис работает не покладая рук, скоро еще партию триер спустит на воду».

Первый день прошел спокойно. Флот скифов сопровождал передвигавшиеся вдоль берега войска Аргима. Двигались скифы быстро, но осторожно. Аргим разослал вперед разведчиков, а основные силы все время находились у побережья на виду у адмирала. Кораблей противника в море не наблюдалось.

К вечеру скифские войска пересекли невидимую границу гетских земель и вошли в пределы вражеского государства. Не обнаружив поблизости крупных сил противника, Аргим приказал вставать на ночлег. Корабли охранения тоже пристали к берегу, найдя неподалеку достаточно вместительную гавань, рядом с которой расположилась рыбацкая деревня. Как оказалось при ближайшем рассмотрении, покинутая своими жителями. Весть о приближении скифов, похоже, достигла этих мест уже давно.

Леха решил не строить защищенный лагерь. Вряд ли стоило ожидать нападения, ведь они едва перешли границу. Ночевать приказал на кораблях, вытасненных для этого на берег. Лишь более крупные квинкеремы простояли всю ночь в море на своих якорях.

Эта ночь действительно прошла спокойно, а на следующее утро Леха все же решился покинуть ненадолго флот, чтобы проехаться в седле рядом с Аргимом. Начавшийся день тоже не предвещал, на его взгляд, ничего особенно опасного.

«Наверняка опять никого не встретим, чего на палубе маяться, – бодро размышлял Леха, спускаясь по сходням на берег, – геты уже, небось, пятки смазали до самого Истра и там окопы роют. Бояться они нас. Значит, уважают».

– Токсар, – обратился адмирал к поджидавшему внизу помощнику.

– Слушаю, господин, – почтительно поклонился скиф.

– Я схожу на берег и весь день буду ехать с Аргимом, – проинформировал он своего подчиненного. – Принимай командование. Пусть флот движется вдоль побережья, не удаляясь слишком. И следи за сигнальными стрелами.

– Все будет в порядке, – ответил Токсар.

Приблизившись к подведенному одним из воинов коню, Леха бодро вскочил в седло и, взяв с собой полсотни Уркуна – остальным пришлось остаться на корабле, – быстро догнал авангард скифского войска, где ехал сам Аргим.

– Что, не усидел на корабле? – усмехнулся военачальник глядя, как адмирал-поневоле лихо осадил своего коня рядом с ним.

– Скучно стало, – решил не врать Леха, пуская коня шагом, – в море врагов нет. Попрыгались все. Боятся со мной воевать. А я коней тоже люблю. Вот с тобой по берегу до вечера проедусь, а потом вернусь. В море у меня и без того порядок.

– Без коня скифу не жизнь, – согласился Аргим и посоветовал: – Ну, тогда держись рядом, а лучше позади. Разведчики доносят, что видели вчера поблизости гетов. Того и гляди объявятся.

Леха кивнул, но не поверил. Он хоть и сам был разведчиком, но в глубине души был уверен, что геты не отважатся на сопротивление еще минимум дня три. А может, и все пять. Ведь Иллур тоже начал свое наступление. Гетам теперь приходится экономить силы, накапливая для решительного сражения конницы. Но на этот раз чуть подвело морпеха.

Спустя недолгое время, дорога удалилась от скалистого побережья, постепенно переходившего в высокие холмы. Не успело солнце взобраться на небосвод и раскалить возвышенности, как они въехали в длинное, поросшее лесом ущелье вслед за авангардом. Почти вся двадцатитысячная армия находилась позади, когда с окрестных скал в скифов неожиданно полетели стрелы и копьа.

– Ах ты, черт, – выругался адмирал, когда мимо него пролетело копье, сверкнув на солнце медным подтоком, и воткнулось в спину одному из его воинов. – Уркун, геты на скалах! Давай туда лучников.

Леха с трудом уклонился от второго копьа, прикрылся щитом от стрел и выхватил меч, осматриваясь. Это «расслабленное» наступление, во время которого он полдня ощущал себя уже победителем, вдруг сменилось глухой обороной. Причем в ущелье они были как на ладони для пеших лучников и копеечников гетов, спрятавшихся в засаде на склонах скал.

Наслышанный про конницу противника, Леха мысленно был готов к схватке с конными гетами. Но их, пропустив авангард, атаковали пехотинцы. Нижняя часть скал была довольно крутой и лошади на нее не могли взобраться. Геты, облаченные в черные кожаные панцири и рубахи, многие с непокрытой головой, бросали в скифов длинные копьа и камни, стреляли из луков.

Это нападение произошло в самом узком месте ущелья. Но, справившись с легким замешательством, скифы, гарцуя на конях, открыли ответную стрельбу из луков и поразили многих. Однако их стрелы наносили не слишком большой вред, поскольку противник ловко использовал валуны как укрытие. Аргим быстро увел часть солдат вперед, чтобы обойти нападавших и ударить им в тыл. А Леха приказал своим бойцам отступить назад. Однако не успел он отдать сотнику такой приказ, как геты столкнули со скалы огромный валун, который поскакал вниз, увлекая за собой другие камни.

– Берегись, камнепад! – заорал Леха, когда валун со страшным грохотом рухнул на тропу в десятке метров от него, придавив нескольких скифов, а отколовшийся от него кусок, словно выброшенный из катапульты, ударил в лошадь Ларина, буквально отрубив ей передние ноги. Изуродованный конь рухнул, а чудом уцелевший адмирал, перекувыркнувшись в воздухе, удачно приземлился в колючий куст. Правда, потеряв щит. Камнями побило также многих солдат, в том числе и пятерых бойцов из сотни Уркуна. Сам сотник, к счастью, был жив. Но, геты могли считать нападение удачным.

– Ах вы, суки, – завопил Леха, вылезая из куста с расцарапанным лицом и отплевываясь от набившейся в рот пыли, – ну я вам сейчас покажу морскую пехоту.

Он разыскал и поднял с земли свой меч.

– Уркун, спешиться! Бери еще десять человек и за мной. Остальные на другой склон.

От камнепада в ущелье поднялась пылевая завеса и геты не успели разглядеть, как десяток спешившихся бойцов противника во главе с разъяренным командиром смогли в мгновение ока взобраться по скальным выступам наверх и атаковать ближних воинов.

– Что, думали, я до вас не доберусь?! – орал скифский адмирал, с ходу рассекая не защищенную голову копейщика, который только что метнул дротик вниз, – а вот он я, тут как тут. Получайте!

Резким выпадом он пронзил черную кожаную куртку другого гета, лысого детины с палкой в руке. Затем пробил кольчугу третьего бойца, мечника, отбив его удар. Мертвый гет, харкнув кровью, распластался на плоском камне.

– Вперед, бойцы! – закричал Леха, подхватив с земли круглый щит, в котором торчало несколько скифских стрел, и продолжая развивать успех неожиданной контратаки: – Гони их по склону!

Гетам пришлось перенести свой обстрел в сторону нападавших, заставив тех ненадолго остановиться и даже залечь за валунами. Леха сам едва не получил стрелу в шею, царапнувшую его по плечу. Но зато конные скифы снизу просто накрыли гетов роем стрел, «положив» многих. А когда остальные бойцы Уркуна, уже имевшие опыт пеших боевых действий в землях бастарнов, подоспели на помощь своей сотне, вскарабкавшись по скалам на другую сторону ущелья, то исход схватки был решен.

Как бросилось в глаза адмиралу, когда пыль рассеялась, гетов здесь было не так уж и много, человек шестьдесят, но они бились до последнего, пока не полегли все. В пылу атаки Леха зарубил еще двоих копейщиков, а его лучники застрелили остальных. «Смелые ребята, – невольно отметил про себя Леха, вытирая окровавленный меч об одежду одного из них, – но, смертники. Настоящие камикадзе. Всего полсотни, а поперли против такой силищи».

Впрочем, впереди авангард скифов попал еще в одну засаду. Но на сей раз их ждали конные воины. В стычке на выходе из ущелья скифы потеряли еще почти три сотни бойцов, но путь пробили, а геты полегли все. Когда солдаты Аргима очистили ущелье от гетов и пересчитали потери своих и чужих, то выяснилось, что им противостояли всего пятьсот человек, считая пеших. Дрались они яростно, никто и не думал отступать.

– Смелые ребята, – опять повторил Леха, чуть позже осматривая место сражения авангарда скифов с гетской конницей, – но без башни. Против нас все равно не устоять.

Прогулка выдалась недолгой, но веселой. Пройдя ущелье, скифы рассеялись по открывшейся за ним долине в поисках противника, но никого больше не обнаружили. Решив дальше не рисковать по глупости, адмирал вскоре вернулся на свой корабль. Уркун с берега послал стрелу, обмотанную белой тряпкой, и «Ойтосир» снова взял Леху на борт. Если геты на суше активизировались так рано, то могли и на море что-нибудь выдумать. Хотя Леха и не слышал о том, чтобы у них был сильный флот.

Но до вечера никаких стычек больше не произошло ни на суше, ни на море. Когда солнце начало падать за горизонт, Леха велел снова пристать к берегу, где его моряки уже высмотрели приличную гавань. Она была более широкой и открытой, чем вчера. Зато в полукилометре от берега поднимался из воды каменистый остров с пологими берегами, куда скифы вытащили часть кораблей.

– Так мы будем защищены в случае внезапного нападения, – пояснил Леха Токсару и добавил: – А для тех, кто ночует на берегу, постройте заграждения.

Поскольку несколько бирем были заранее нагружены обструганными колами и необходимыми материалами – скифы быстро переняли опыт римлян, о котором им поведал Федор Чайка, – то вскоре вдоль побережья поднялся частокол, обеспечивая первую линию обороны. Вдоль частокола бродили пешие скифы с луками и копьями, а между кораблями зажгли костры. Наступило время ужина.

Когда стемнело, Аргим прислал гонца с сообщением, что встал лагерем в соседней долине, за невысоким хребтом.

– Сообщает, что рядом гетов нет, – поделился Леха информацией с Токсаром, когда лодка, доставившая гонца на остров, уплыла обратно, – но, чуется мое сердце, нынче же ночью они опять нас поражают чем-нибудь. Удвоить стражу на берегу и здесь тоже смотреть в оба.

Токсар кивнул, отправившись выполнять приказание. Когда стемнело, все моряки поели и легли спать, закрепив веревками свои корабли. Невидимая во тьме стража бродила по берегу и вокруг острова, а Леха, которому не спалось, тоже решил пройтись.

Он спрыгнул на камни с палубы своей триеры, загнутый нос которой покоился на берегу, прошел мимо часовых и вдруг увидел падающую звезду. Однако желание загадать не успел. Огонек быстро прочертил дугу в небе над долиной и погас. Леха тихо выругался, ведь не так часто он наблюдал за звездным небом, но вслед за первой падающей звездой вдруг упала вторая. Потом третья, четвертая, пятая и вскоре Ларин увидел целый звездопад. Который, впрочем, показался ему странным. Все эти яркие точки падали не совсем сверху, а как бы поднимались откуда-то снизу, набирали высоту и лишь затем гасли, исчезнув за вытянутым холмом, отделявшим прибрежную полосу от долины.

– Черт меня побери, – догадался адмирал, – да это же геты хотят запалить лагерь Аргима.

Прошло совсем немного времени, как его догадка подтвердилась. Над долиной разгоралось небольшое зарево. Видимо, гетам отчасти удалось ночное нападение. А вскоре ветер донес до берега отдаленные крики и звон оружия. Примерно полчаса Леха наблюдал за происходящим, но крики и шум не стихали.

– Токсар! – позвал адмирал.

– Я здесь, – возникла из сумрака широкоплечая фигура в полном вооружении. За спиной Токсара виднелись еще двое бойцов. Оказалось, что не только Ларин видел происходящее на берегу.

– Отправь туда человека, – приказал он, – узнать, не нужна ли им наша помощь.

Однако Аргим справился своими силами. Когда утром Леха осматривал окрестности местами все еще дымившегося лагеря, то последствия ночной атаки его удивили. Геты атаковали с трех сторон в пешем и конном строю. На этот раз их было значительно больше. Они смогли сжечь часть обоза и десятки походных юрт. Контратака скифской конницы отбросила гетов, уничтожив большую часть дерзкого противника. Но хорошо знавшие местность бойцы смогли спастись во множестве. Отбив атаку, Аргим прекратил преследование, приказав дожидаться рассвета.

– Ни дня без стычки, – прокомментировал события этой ночи скифский адмирал, – интересно, что они нам завтра преподнесут.

Глава четвертая

Хамор

Прошлый раз путь до дельты Истра занял у Лехи Ларина на той же триере всего четверо суток. Сейчас же два дня уже были позади, но следующие два дня растянулись почти на две недели. Сначала, в тот же день, последовало новое нападение гетов. Которое Аргим отбил, конечно, но не без потерь.

Раздосадованный постоянными уколами гетов, военачальник скифов покинул долину и сам атаковал их войско, как выяснилось, поджидавшее его в прибрежных степях, что начинались сразу за долиной и тянулись о самого Истра. Лехе было предписано оставаться на месте, поскольку военно-морская операция без поддержки конницы была обречена на провал. Ларин мог бы самостоятельно разрушить несколько поселков и городков, зайдя в дельту реки, но смысла в этом не было. Поскольку их нужно не просто сжечь, их нужно было захватить и удерживать. Посланцы Иллур пришли сюда навсегда.

– Помни, что это земля скифов, – напутствовал адмирала Иллур незадолго до отправления в поход, – и на ней издавна живут потомки воинов царя Атея, хоть и ставшие сейчас предателями. Вы должны захватить ее, пустить кровь в наказание. Но после того как Палоксай будет казнен...

– А также Иседон, – напомнил Леха.

Иллур кивнул и продолжил.

– После того как предатель будет казнен, его народ станет моим народом. Поэтому лишней крови не лей, если его люди будут благоразумными.

Однако вскоре выяснилось, что подданные Палоксая никак не хотели быть благоразумными. Похоже, симбиоз с гетами и греками их окончательно разложил. После того как Аргим усилил наступательные действия, в близлежащих степях произошло одно за другим два крупных сражения, где скифам противостояло около пяти тысяч гетских конных воинов.

Ларин этих сражений не видел, поскольку находился в лагере в ожидании нападений с моря. Но когда, спустя несколько дней, все же повидался с Аргимом, приехав в его ставку недалеко от места последнего сражения, то выяснилось что в этом бою за гетов билось несколько тысяч скифских всадников из земель Палоксая. Их трупы во множестве были найдены на поле битвы. Вмешательство воинов из Малой Скифии нанесло ощутимый урон войску Аргима, хотя сопротивление защитников в конце концов было сломлено.

– Ну что же, – процедил сквозь зубы Аргим, оглядывая поле недавней битвы, над которым кружили стервятники, – Палоксай сделал свой выбор.

Разговор происходил на холме, где стоял походный шатер скифского военачальника. Отсюда было хорошо видно место разыгравшейся схватки, в которой полегло почти полторы тысячи скифов. Федор не стал спорить с Аргимом, тем более что и сам хотел того же. К народу Малой Скифии он особой неприязни не питал, как и к самому Палоксаю, но вот рассчитаться с Иседоном у него просто руки чесались. Попадись этот подлый старейшина ему, уж Леха не упустит возможности вернуть должок. Только бы не сбежал.

– Что дальше? – спросил Леха, прищурившись на солнце и проводив взглядом стервятника, который, наевшись падали, тяжело летел над равниной.

– Как докладывают разведчики, после битвы войско гетов отошло на запад, в глубь своих земель. Вчера был гонец от Иллур, он уже переправился через Пирет и атаковал гетов. Пока тоже редкие стычки. Но все идет к генеральному сражению. Долго они так не смогут отступать, – поделился информацией Аргим, погладив бороду, – впереди по берегу теперь только земли Палоксая. Захватим их и повернем на запад, погоним гетов вдоль Истра.

– Значит греков, что дальше по берегу живут, трогать не будем? – уточнил Леха.

– Почему не будем, – усмехнулся Аргим, скрестив руки на груди, – будем. Но, если они сами к нам не полезут сейчас, то дадим им еще немного пожить. Ты их только кораблями своими попугаешь, чтобы присмирели. А нам надо сначала гетов к покорности привести. Это посложнее будет. Греки твои подождут.

Леха едва не обиделся на «твоих греков». Но потом тоже рассмеялся. Аргим был прав.

– Я могу начинать высадку на берега Истра? – уточнил он детали предстоящей операции.

– Можешь. Завтра я разделю свое войско на две части. Один удар конницы поддержит твою атаку, и будет направлен в сопредельные с морем земли. Разведка сообщила, отряды Палоксая жмутся к берегам реки. Думаю, мы сомнем его солдат и выйдем на берега Истра уже послезавтра, если они не убегут от нас раньше.

Аргим вздохнул и отвернулся от поля битвы, вид которого напомнил ему о потерянных людях.

– А второй удар я нанесу чуть выше по течению. Чтобы рассечь его земли надвое. Это же войско сдержит удар гетов, если такой будет. Но я уверен, что теперь его не последует. Иллур продвигается слишком быстро.

– Добро, – кивнул адмирал, запрыгивая на коня.

Дернув поводья, он поскакал к берегу, находившемуся примерно в десяти километрах. Уркун и полсотни скифов последовали за ним.

На следующий день скифский флот снялся с места и вскоре, не таясь, вошел в прибрежные воды земель, принадлежавших пока Палоксаю. Это случилось на рассвете. Здесь у самой дельты Истра, где река разветвлялась на множество рукавов, их поджидали греки. Однако, увидев, кто собирается его остановить, Леха даже рассмеялся. На волнах покачивалось всего пять триер. Осмотрев горизонт и побережье, он больше никого не заметил. Конечно, часть кораблей могла спрятаться в дельте, но это он предусмотрел.

– Они хотят остановить меня всего пятью кораблями? – с издевкой поинтересовался Леха у Токсара, стоявшего рядом с ним на корме флагманской триеры, – а ну передай приказ на «Тамимасадас» «немедленно атаковать противника». Посмотрим, что они задумали на самом деле.

Токсар махнул рукой лучнику и тот запустил в небо стрелу, обмотанную красной тряпкой. Тотчас его любимая квинкерема выдвинулась вперед, обходя строй притормозивших триер, а за ней на исходную позицию для удара вышли и остальные мощнотелые корабли. Адмирал видел, как прислуга уже натягивала торсионы метательных орудий, готовясь превратить в решето всю греческую эскадру.

Однако командир этой эскадры быстро прикинул свои шансы на выживание в бою против пусть и не так хорошо выученных, как его моряки скифов, но зато втрое превосходящих числом и мощностью артиллерии. И предпочел оставить эти берега противнику без боя. Проще говоря, едва греки завидели маневр флота противника, то предпочли развернуться по ветру и сбежать от наступавших квинкерем.

– Труссы! – заорал Леха с кормы «Ойтосира», лежавшего в дрейфе, едва завидел резкий разворот греков: – Тоже мне, хваленые моряки, кочевников испугались. А ну догнать и уничтожить всех!

Однако это оказалось не так просто. Гребцы на триерах были действительно отменные, прошедшие хорошую подготовку. Они удалялись гораздо быстрее, чем к ним приближались квинкеремы. Ветер для скифов был попутный, и хотя они тоже шли на веслах, он погонял их в корму. Когда расстояние сократилось, артиллеристы скифов начали массированный обстрел. Большая часть снарядов ушла мимо, но «Тамимасадас» и здесь отличился. Он зацепил корму последней триеры, разрушив метким попаданием рулевое весло и заставив ее заложить резкий вираж, развернувшись бортом. Новый залп смел все надстройки на корме, вместе с находившимися там моряками и пехотинцами, изрешетил палубу. А когда триера окончательно поте-

ряла ход, «Тамимасадас», разогнавшись, с грохотом налетел на нее и подмял под себя, протаранив борт. Триера сильно накренилась, греки полетели в воду с трещащего по швам корабля. И вскоре на воде осталось лишь несколько крупных обломков. А с борта квинкеремы лучники добивали тех, кому удалось спастись.

– Прекратить преследование, – приказал Леха, удовлетворившись содеянным, – начало положено. А остальных нам все равно не догнать. Слишком быстро бегут.

– Может быть, они вернутся с подкреплением? – осмелился заметить Токсар.

– Все может быть, – согласился адмирал, – но вряд ли они будут оголять оборону своих городов. Теперь они будут ожидать нас в гости. А мы придем позже. Сейчас командуй разворот. Квинкеремам остаться здесь, провести разведку и закрепиться на берегу. Впрочем, их командир уже в курсе. А мы заходим в дельту Истра вон по той реке.

Леха вытянул руку в сторону одного из самых широких рукавов реки, из впадавших здесь в море. И добавил с сомнением.

– Кажется, в прошлый раз я здесь заходил.

Триеры, выстроившись друг за другом, направились вверх по течению реки.

– Лучникам и пехотинцам приготовиться, – скомандовал Леха, пристально всматриваясь в низкие холмистые берега, к счастью, уже хорошо освещенные солнцем, так что можно было рассмотреть любую деталь и без бинокля. Однако и они сами были как на ладони. Поднимаясь вверх по реке против течения, правым Леха называл для себя тот берег, что был справа.

Постепенно весь караван триер и бирем втянулся в русло реки. Пока что местные скифы никак не выдавали себя. Никто не атаковал начавших вторжение с моря сородичей. То ли обходной маневр был для них полной неожиданностью, то ли они затеяли какую-то хитрость. То ли все ушли на сухопутный фронт, сдерживать натиск конницы Аргима.

Однако русло, поначалу довольно широкое, вскоре стало постепенно сужаться. И за следующим поворотом реки, адмирал узрел «понтонный мост», перегородивший все русло от края до края. Этот «мост» был составлен из ветхих бирем и рыбацких шаланд, скрепленных между собой веревками. На мосту засели лучники в кольчугах. А позади него покачивались на волнах еще несколько рыбацких лодок с лучниками и одна единственная триера. На бегах тоже засели лучники и копейщики, а за ними были видны передвижения конных отрядов. Эта «запруда» была выставлена недалеко от того самого городка, где Леха в прошлый раз впервые пристал к здешнему берегу. «Кажется, он назывался Хамор», – промелькнуло в мозгу адмирала воспоминание о теплом приеме.

«Ойтосир» шел первым, вернее, вровень с другой триерой. Также по двое плыли вверх по широкой реке и остальные корабли. Едва они приблизились на расстояние полета стрелы, как с «понтон» и берегов засвистели стрелы.

– Подготовились, – усмехнулся Леха, пригнувшись, хотя его тотчас закрыли два дюжих скифа-охранника со щитами. – Вот значит, как меня встречают на этот раз, но другого я и не ожидал от предателей.

Он еще раз осмотрел оборонительные рубежи и решил, что протаранить их все же можно. Правда, придется увязнуть и некоторое время потратить на то, чтобы сбросить их защитников в воду, но иного пути вверх, как по реке, он не видел. Хотя и о берегах забывать не стоило, как минимум там следовало закрепиться.

– Будем таранить, – приказал Леха, положив ладонь на рукоять короткого меча, – всем приготовиться. Биремам высадить солдат на оба берега, пусть атакуют и поддержат нас с флангов. Но для начала сделайте пару выстрелов из носовой катапульты.

Токсар быстро «разослал» все приказы. В сторону заграждений улетело несколько каменных ядер, почти разрушив и без того утлый корпус одной из бирем, вплетенных в общую вязь «понтон». Однако решающей роли это не сыграло. Расстояние быстро сокращалось, делая метательные машины ненужными.

Зато лучники с передних триер уже начали накрывать стрелами защитников «понтон», но и те в долгу не оставались. Рядом с Лехой раздалось несколько криков и за борт рухнули сразу трое бойцов, получив стрелу, кто в грудь, кто в шею. Им, как ни крути, противостояли те же скифы, а скифы всегда стрелять умели. Передние биремы, подчиняясь приказу, уже пристали чуть позади к низкому берегу и высадили массированный десант «под огнем» противника.

Каждая бирема несла примерно по пятьдесят бойцов, кое-где, правда, сидело гораздо больше. На триерах «штатное расписание» для морпехов тоже было превышено почти вдвое. На половине находилось не по восемьдесят, а по сто пятьдесят, на двух же последних вообще по двести бойцов. Конечно, путешествовать так было неудобно, солдат набилось, как селедок в бочку. Но предстоял большой «расход» в живой силе при встрече с армией Палоксая. И адмирал пошел на это нарушение, хотя Гиლისподис его предупреждал насчет перегруза.

Высыпав на берег, скифы отогнали защитников на сотню метров от воды меткой стрельбой и сами перешли в наступление, выхватив мечи и подняв копья. Их наступление было удачным и вскоре пешие бойцы Палоксая с большими потерями стали отходить к «запруде» под натиском морпехов адмирала Ларина. К счастью, конницы пока здесь было не видно.

Тем временем «Ойтосир» с разгона врезался в перегородившие русло рыбацкие шаланды и едва не пробил брешь в обороне противника, подмяв под себя сразу несколько лодок. Но канаты выдержали, и триера завязла. Рядом, с треском пробивая борта лодчонок, врезалась в заграждение другая триера. Но тоже не смогла прорвать связывавшие их путы. Еще две триеры взяли чуть в сторону и вскоре должны были нанести свой удар. Остальные чуть сбавили ход.

– Вперед! – заорал Ларин, выхватив меч, – едва триера перестала раскачиваться, окончательно завязнув, – сбросить их в воду!

Лучники, расстреливая в упор с высокого борта триеры, служившего им хорошим прикрытием, тех, кто находился под ними на «понтоне», выполнили приказ с небольшим опозданием. Уж очень удобная была позиция. Просто «убойная» для защитников переправы, которых вскоре совсем не стало на расстоянии ближайших сорока метров. Лишь тогда скифы посыпались вниз, освобождая шаткий плавающий мост от остатков оборонявшихся солдат противника. Леха тоже прыгнул вниз и, размахивая мечом, погнал врагов в сторону берега. Другие его солдаты под командой Токсара напали на скифов Палоксая оказавшихся в «зоне действия» луков сразу двух триер. Со второго корабля также уничтожили немало противников, прежде чем перейти к рукопашной.

Впрочем, все это происходило не так быстро. Никакого настила на лодках не было и сражавшимся приходилось перебираться через борта раскачивавшихся суденышек. Чудом увернувшись от стрелы засевшего в десяти шагах лучника, Леха ударил выросшего на пути мечника своим клинком. Звякнув о кольчугу, острие прошло мимо. В ответ скиф нанес резкий удар своим клинком и едва не лишил адмирала головы. Лезвие вскользь ударило о покатый бок шлема и ушло в сторону. У Ларина зазвенело в ушах. Но он не растерялся и, воспользовавшись тем, что тело воина на мгновение повернулось к нему боком, вонзил в него свой клинок. Удар был силен и Леха даже смог пробить доспех. От толчка его противник рухнул в воду с громким всплеском и погрузился в нее, обагряв поверхность кровью.

В этот момент в борт лодки рядом с адмиралом с чавканьем вонзилась стрела, прилетевшая откуда-то с боку. Позади него упал сраженный скиф из его солдат. Потом другой, схватившись за горло. Сам Леха вскинул щит, поймав на него пару стрел. Присел в лодке, осмотревшись. Над головой тотчас просвистело каменное ядро и, перемахнув через заграждение из лодок, ударило в скифскую триеру, унеся жизнь двоих моряков. Стреляли бойцы Палоксая, находившиеся чуть выше по течению на триере и рыбацких лодках. Для них все, кто прыгал в пылу схватки по «понтону», были отличной мишенью. А для артиллеристов и корабли Ларина, скопившиеся с той стороны.

– Найди Токсара и передай: немедленно подавить лучников противника, – приказал Леха возникшему из-за спины бойцу своей триеры, – а потом бери топор и руби канаты. Придется пробить себе дорогу и освободить «Ойтосира».

Боец кивнул и, пригнувшись, стал пробираться обратно к кораблю. В этот момент один за другим, почти слившись, раздалось два глухих удара, от которых всколыхнулся весь «понтон» и Леха едва не упал на дно лодки, покачнувшись. Это еще две триеры из скифского флота врезались в заграждение на воде. И одной из них удалось-таки пробить его с ходу, правда, почти у самого берега, и это ничуть не облегчило судьбу «Ойтосира».

Зато осложнило положение тех, кто до сих пор почти безнаказанно продолжал обстреливать нападавших из лодок. Единственная триера Палоксая вскоре вступила в бой со скифской. Она пошла на таран, но скорость оказалась не слишком велика. Они промахнулись. А вот капитан триеры из флота Ларина оказался молодцом. Раздался треск и вслед за этим победный вопль скифов разнесся над водами Истра. Им удалось совершить «проплыв» и обездвижить вражеское судно, обломав ему все весла с одного борта. В ход пошли абордажные крюки и вскоре бойцы обеих триер уже бились врукопашную.

Сидя в лодке, Ларин продолжал осматривать поле боя. Его бойцы уже убежали далеко в сторону, соединившись с солдатами соседней триеры. Тут все было в порядке. Еще немного и сопротивление на переправе будет сломлено окончательно. На правом берегу, где чуть выше по течению стоял гостеприимный город Хамор, тоже все шло к развязке. Там десантники отбросили противника от берега и подошли почти к самой переправе. А вот на левом берегу показалась конница и одним ударом смела в воду всех пехотинцев, находившихся на берегу.

– Твою мать, – выругался адмирал, глядя, как гибнут его люди, но коней у него в запасе не было, приходилось рассчитывать только на лучников.

Смятые порядки, правда, немедленно получили поддержку. С борта качавшихся на волнах неподалеку от берега триер лучники «покосили» немало всадников противника, но это не помогло. Левый берег вновь оказался полностью в руках армии Палоксая.

– Руби канаты! – истошно заорал Леха, которому до смерти надоело топтаться на одном месте, стараясь подбодрить итак ловко орудовавших топорами и мечами моряков с триеры: – Быстрее!

А когда заметил, что «Ойтосир» сдвинулся с места и, разваливая остатки препятствия, медленно поплыл, сам устремился к его высокому борту. Корабль, продвигавшийся вперед усилиями гребцов на корме, еще находившейся в воде, и моряков, которые отталкивались шестами от изуродованных судов, наконец выбрался на оперативный простор, раздавив очередную лодку. Леха запрыгнул на него едва ли не в последний момент, отбросив щит и ухватившись за борт одной рукой. Его тотчас подхватили дюжие охранники и втащили на палубу.

– Уничтожить лодки противника! – приказал Ларин, едва отряхнувшись и твердо встав на ноги.

Лучники и без его команды уже давно выцеливали утлые суденышки, метавшиеся по реке в поисках спасения. Стрелы, не переставая, свистели в воздухе. Правда, теперь это были в основном стрелы скифов Ларина. Едва увидев прорыв, все лодки оборонявшихся бойцов, как по команде, устремились к тому берегу, где хозяйничала конница Палоксая. «Значит, их там больше, – рассудил адмирал. А глядя, как пытаются спастись разбитые защитники „понтон“, продолжил свою мысль, – тогда, пожалуй, оккупируем другой берег. Все меньше солдат положим. Хамор там, да и опять же конница наша сюда пробиваться будет, а там, в дельте, слишком много проблем Палоксай мне может подкинуть. Надо зацепиться и обождать немного, пока не рассосется».

Бой на воде почти закончился. Взяв на абордаж вражескую триеру, скифы разжились еще одним кораблем. Все лодки противника были либо уничтожены, либо уже пристали к противоположному берегу. Но артиллеристы с триер все еще посылали им вдогон ядра. И одну из

лодок превратили в щепки уже у самого берега. Обернувшись назад, Леха увидел, как через пробитые в «запруде» бреши, расширяя их, проходят триеры его флота, почти не принимавшие участия в сражении. Правый берег уже полностью контролировала его пехота, а левый, к сожалению, противник.

– А ну поворачивай к правому берегу, – приказал Леха, – осмотреться хочу. Пара наших триер пусть пуганет конницу из своих орудий. Чтобы не расслаблялись слишком.

Когда высокий нос корабля уткнулся в песок, Леха соскочил вниз и, поднявшись на берег в сопровождении Токсара и охранников, обнаружил, что находится буквально в нескольких километрах от Хамора. Скифов от него отделяло только поле, поросшее густым лесом. А небольшой городок с узкими улочками, охватывал вершину ясно различимого за лесом холма, который, спускаясь к воде, заканчивался пристанью. Пустой пристанью. Река здесь делала поворот, а Хамор был выстроен на полуострове. Никаких кораблей, способных оказать сопротивление наступавшему флоту, здесь не было. Однако Леха, вспомнив о богатом городе под названием Тернул, лежавшем в двух днях пути вверх по течению, решил пока не расслабляться. В прошлый раз он видел там немало греческих кораблей, и атака с воды могла последовать в любое время. Как, впрочем, и посуху. И все же он решил захватить этот городок. Опорный пункт в дельте Истра не помешает.

– Триерам пройти дальше и высадить десант на пристань города, – диктовал Леха Токсару, – пехота пусть немедленно прошерстит здешний лес. А мы пока обождем.

Выполняя приказ, десантники разбились на три колонны и, перехватив покрепче луки с мечами, немедленно двинулись в сторону города. Две из них обошли лес, а центральная колонна углубилась в него со всей осторожностью, постоянно ожидая нападения. Оставшиеся триеры и несколько бирем, пройдя вперед по реке, высадили еще один десант, который быстро растекся по улицам прибрежного городка, не встречая на своем пути сопротивления. А спустя примерно час Леха выслушал доклад о том, что город пуст.

– Все жители его покинули, – отрапортовал широкоплечий скиф в кольчуге, приставив копье к ноге и забросив за спину щит, – на другом берегу замечены брошенные лодки. Они явно сбежали, пока шел бой.

– Или еще раньше, – закончил за него мысль адмирал, – да, навели мы страху на местное население. Ладно, свободен.

А спустя еще час Леха расположился в доме местного хозяина города, где уже однажды бывал под видом начальника охраны купеческого каравана. «Обещанный караван я в конце концов привел, – усмехнулся Леха, рассматривая из окна хищные носы триер, пришвартованных у местного пирса, на палубах которых копошились моряки и морпехи, – только с товарами проблема. Торговать нечем».

Организовав оборону со стороны суши и по реке, адмирал приказал отправить гонцов обратно к соединению квинкером за новостями и вверх по реке разведчиков на биреме. Затем разрешил своим войскам немного отдохнуть, заняв все пустующие дома Хамора.

Весь остаток дня дозоры, курсировавшие по окрестностям, докладывали, что конница противника на другом берегу ведет себя спокойно и к переправе не готовится. С этой стороны тоже пока все тихо. Ни солдат Палоксая, ни воинов Аргима в поле зрения не появлялось.

– Ну вот и отлично, – рассудил адмирал, заваливаясь на удобную кушетку, которую местный градоначальник не успел прихватить с собой, – первый пункт взят. Можно отдохнуть. Здесь и подождем гонцов от Аргима. Скоро должны уже быть.

Глава пятая

Снова в Италии

Первым делом, после того как флагманская квинкерема уткнулась в песок на побережье Апулии, благополучно проделав обратный путь, Федор заглянул к коменданту гарнизона, а потом посетил небольшой каменный домик на горе, где жила в тайне от всех его семья.

Чайка не раз подумывал о том, чтобы перевести ее в другое место, но ситуация на всех итальянских фронтах постоянно менялась и не было такого места, где семья была бы в абсолютной безопасности. А о том, чтобы отправить Юлию с ребенком в Карфаген, не объяснившись с Ганнибалом, не было и речи. Там дочь римского сенатора сразу же могла стать заложницей или разменной монетой в играх политиков. После недавних событий в ставке Иллур командир двадцатой хилиархии решил держать Юлию как можно дальше от этого, но в глубине души боялся, что с ее римским прошлым это будет очень трудно.

– Ты приехал! – золотоволосая Юлия бросилась ему на шею, обвив ее руками и одарив Чайку поцелуем.

Федор долго держал любимую женщину в объятиях, даже оторвав от пола. Она показалась ему сейчас пушинкой, – столь невесомым был этот хрупкий стан.

– Я решил навестить тебя и сына, – проговорил Федор, выпуская наконец любимую женщину из своих объятий, – прежде чем двинусь в глубь страны.

– Ты так сразу уедешь? – насупилась Юлия, отступив на шаг.

– Я должен увидеть Ганнибала, – сообщил Чайка, осматривая каменные стены и низкий потолок жилища, в котором мог бывать так редко, – у меня к нему есть важные новости.

– А твой Великий Карфагенянин не может подождать пару дней? – улыбнулась Юлия, указав в сторону спальни, на пороге которой застыл мальчуган в белой тунике, – ведь по дороге тебя мог задержать шторм.

– На пару дней вряд ли, – пробормотал Федор, сломленный очарованием рыжеволосой красавицы, – но на один вечер, я думаю, можно отодвинуть нашу встречу. Война подождет.

Он скинул с себя доспехи и, подняв Юлию на руки, унес в дальнюю комнату.

На утро Федор тоже не сразу вскочил на коня. Не смог отказать себе в удовольствии позавтракать с Юлией и сыном во внутреннем дворе, скрытом от посторонних взглядов. Чтобы никто не досаждал Юлии лишними расспросами, Чайка специально выбрал такой глухой уголок побережья. Отдельно стоящий дом, принадлежавший до войны какому-то апулийскому купцу, был окружен небольшим парком и стеной. В усадьбе Федор постоянно держал пятнадцать вооруженных охранников из людей, которых нанял и отобрал лично. Доступ на территорию был разрешен только ему. А в случае опасности командир охраны, финикиец, должен был вывезти Юлию в небольшое временное убежище в горах в глубине Апулии и сообщить об этом Федору.

– Как ты тут поживаешь, любовь моя? – спросил Федор, наслаждаясь после бурной ночи соком из плодов персика и свежими лепешками.

Юлия в облегающей тунике сидела в плетеном кресле напротив и, отщипывая по одной ягодке, поела спелый виноград, целый поднос которого высился прямо перед ней. Иногда она кормила виноградом сына, то и дело подбегавшего к маме. Тот играл в углу двора в войну, небольшим деревянным мечом рассекая росшие там кусты.

Проглатывая спелые ягоды, мальчик, поглядывая на взрослого мужчину, которого мать уже давно представила ему как своего настоящего отца. Но в долгие разговоры не вступал. Говорил он нехотя, и слова, которые мальчуган мог произнести, были на латыни, на которой говорила сама Юлия. Она не раз просила Федора привести ей учителя финикийского, но Чайка пока не торопился. Язык она всегда выучить успеет, девушка умная. Да и лишних людей сюда

пока нельзя пускать. В душе он больше беспокоился о том, как рассказать о своей тайне Ганнибалу и о возможных последствиях этого разговора.

Глядя на своего сына, который уже понемногу привыкал к нему и новой жизни, Федор раздумывал о том, что никак не может примириться с тем, что его сын носит имя врага. Ведь мальчугана по-прежнему звали Марк Акции Памплоний Младший. Однако, кроме Юлии и его самого, никто об этом не знал. И вчера ночью Федор предложил дать ему новое имя. Юлия обескуражила его быстрым согласием и тут же поинтересовалась, какое имя он хочет дать мальчику.

Чайка был озадачен. Он настраивался на долгие разговоры и не был готов к столь быстрой победе. А о том, как назвать сына еще даже не думал. В конце концов, Федор пообещал в ближайшее время предложить Юлии пару вариантов из обширного списка финикийских имен. Юлия согласилась.

– Я чувствую себя пленницей. Почти как на Сицилии. Только и вижу, что лица охранников, – пожаловалась она, разделавшись с небольшой гроздью винограда, – а мои прогулки с ребенком ограничиваются садом, окруженным каменной стеной. Я так устала сидеть взаперти, что уже, кажется, согласна на все.

– Я как раз решил поговорить о тебе с Ганнибалом, – признался Федор, – в ближайшие дни.

– Что ж, – кивнула Юлия, немного подумав, – я верю в тебя, Чайка. Ты знаешь Ганнибала лучше и примешь верное решение. Быть может, ваш вождь согласится не казнить меня, а разрешит нам с тобой жить открыто. Не побоится того, что я дочь его злейшего врага.

– Это было бы для меня настоящим счастьем, – кивнул в задумчивости Чайка, – только об этом я и мечтаю. И все время переживаю, что с тобой и сыном может что-нибудь случиться, пока вы находитесь здесь на птичьих правах. Все-таки ты слишком заметная фигура.

– Не бойся Чайка, – проговорила Юлия, и в ее голосе Федор уловил металлические нотки, – я же обещала, что буду принадлежать только тебе. Никто не сможет нас разлучить.

Услышав это заявление, Федор поневоле вздрогнул: оно означало, что в случае опасности у Юлии не дрогнет рука лишить жизни и себя и ребенка.

– Я принесу жертвы богам, чтобы они помогли нам, – сказал он, поднимаясь.

Юлия проводила его до дверей и поцеловала на прощание, шепнув на ухо: «Возвращайся скорее». И окрыленный командир хилиархии, потрепав сына по голове, вскочил на коня, отправившись в порт.

Там он отдал необходимые приказы командирам кораблей, прибывшим с ним из плаванья, и прежде всего встретился с капитаном флагмана, которому еще вчера наказал разыскать того, кто прислал ему пополнение. Хотя заранее был уверен, что концов не найти. И действительно, из состоявшегося на палубе разговора выяснилось, что чудом спасшийся в бою с римлянами капитан интересовавшей Федора квинкеремы погиб при странных обстоятельствах. Буквально неделю назад. Его нашли мертвым в порту.

– Говорят, погиб в пьяной драке. Но я не верю, чтобы он сам мог ее затеять, – поделился сомнениями собеседник Чайки, – деньги он любил, но никогда не шиковал и не устраивал пирушек. Жадный был очень. Да и боец не из последних, и дорого бы отдал свою жизнь.

– Ты видел тело? – уточнил Федор.

– Видел, – кивнул капитан, нахмурившись, – его закололи в спину. Несколько ударов. Только меня не проведешь. Закололи его уже после того, как он умер.

– Отравлен? – поднял брови Чайка.

– Похоже, – кивнул капитан, – во всяком случае, был без сознания, когда ему в спину несколько раз всадили нож.

– Ну что же, – развел руками Федор, – концы в воду. Ладно, это тоже ценная информация.

И он вложил капитану в ладонь мешочек с золотыми «слонами».

Больше в порту делать было нечего. Забрав с собой спейру морских пехотинцев из тех, что были приписаны к другому кораблю, Чайка направился в глубь Апулии. Где, как он еще вчера выяснил у коменданта, в трех днях пути от побережья и не очень далеко от восточных склонов Апеннин, находился городок Арпы, который Ганнибал, покинув Кампанию, избрал своей новой ставкой. Ближайшие римские войска – два легиона рабов, решивших завоевать себе свободу, сражаясь с пунийцами, – стояли на северной границе Апулии, построив лагерь недалеко от Луцерии. Командовал ими новый консул Тиберий Семпроний Гракх. Как вкратце рассказал командиру хилиархии о последних событиях на фронтах комендант порта – повсюду царила нерешительность. Римляне не предпринимали активных действий, ограничиваясь наблюдением за Ганнибалом. А сам Великий Пуниец в последние месяцы тоже не атаковал противника, словно ждал каких-то новостей.

– Значит, я немного пропустил, – ухмыльнулся Чайка, поблагодарив коменданта за полученные сведения.

Дорога через контролируемую финикийцами часть Апулии прошла без проблем и к исходу третьего дня, повстречав на проселочной дороге несколько спейр африканцев, направлявшихся в только что оставленный Федором порт, командир двадцатой хилиархии прибыл в Арпы. Небольшой городок был окружен со всех сторон войсками. Еще на подходе Чайка заметил два полномасштабных лагеря выстроенных инженерными частями по всем правилам фортификационного искусства. Каждый из них мог принять примерно по десять тысяч человек, не считая гарнизона, который обосновался в небольшой цитадели в самом городе.

Проезжая мимо высокого частокола одного из лагерей, Федор сначала услышал громкий рев, а потом заметил и самих благородных животных – слонов, которых погонщики вели на водопой к протекавшей неподалеку реке. После многочисленных битв с римлянами, и особенно памятного перехода через заснеженные Альпы в самом начале италийского похода, в распоряжении Ганнибала оставалось теперь не больше двух десятков слонов из восьмидесяти, с которыми он выступил из Испании. Но и столь небольшое количество представляло серьезную угрозу для римской конницы и легионов. Даже опытные солдаты противника далеко не всегда могли противостоять «таранному оружию» Карфагена, хотя за годы боев научились не сразу бросаться в бега при первом же их появлении.

Допросив патрульных на въезде в город, Чайка выяснил, где стоят африканцы Атарбала, – они квартировали в западном лагере, – и направился напрямик в цитадель. Главнокомандующий испанской армии, которая за последнее время была сильно разбавлена кельтами и рекрутированными италиками – по большей части самнитами и луканами – избрал своим новым пристанищем хорошо укрепленную крепость на самом высоком холме. Место было выбрано основателями города не случайно: эта возвышенность доминировала над окрестным плоскогорьем.

– Доложите Ганнибалу, что прибыл Федор Чайка, – приказал он начальнику охраны, едва прошел сквозь караульных в воротах и оказался посреди внутреннего двора, перегороженного цепочкой солдат, – он меня ждет.

Смуглый низкорослый финикиец в кирасе бесцеремонно оглядел его с ног до головы, кивнул, и с ловкостью обезьяны взбежал по небольшой лестнице. «Что-то я его раньше здесь не видел», – подумал Федор, проводив взглядом коренастую фигуру, и от нечего делать стал рассматривать крепость.

Стены цитадели Арпы и четыре квадратные башни по углам были выложены из красного камня. В центре находилось несколько жилых помещений с покатой красной крышей и узкими окнами-бойницами, а также арсенал, казарма и конюшня. Все это были крепкие на вид здания, выстроенные из того же камня и способные выдержать длительную осаду даже в том случае, если враги прорвутся за стены, опоясанные глубоким рвом с водой. Скользя взглядом по верхам, Федор заметил несколько баллист на башнях и скупавшую рядом прислугу,

поймав себя на мысли, что Ганнибал, похоже, решил задержаться здесь надолго. Впрочем, это обстоятельство немного зависело и от римлян.

– Ганнибал ждет вас, – объявил командир охраны, вновь появившись перед Чайкой, еще созерцавшим крепостные стены, – он сейчас обедает на втором этаже. Приказал отвести вас прямо к нему без промедлений.

– Обедает? – хмыкнул Федор, – как это кстати.

Проследовав за главным охранником в здание, а затем, минуя еще четверых солдат, по узкой лестнице наверх, командир двадцатой хилиархии вскоре оказался в достаточно просторном зале, метров тридцать, где стоял шикарно накрытый стол. Федор ожидал увидеть за ним кого-нибудь из высших офицеров: Магарбала, командира испанской конницы, или начальника африканских пехотинцев Атарбала. Но, Великий Карфагенянин, облаченный на сей раз в широкое зеленое одеяние вместо доспехов, был абсолютно один, если не считать пары слуг, что подливали ему вино и меняли блюда. Золотая цепь с амулетом, похожим на тот, что Федор оставил у Иллур, отсвечивала на его груди. А черная повязка закрывала потерянный в болах Клусия глаз.

– Проходи, Чайка! – приветствовал его пуниец, жестом предлагая сесть в одно из раззолоченных кресел, что стояли вдоль стены: – я давно тебя жду.

Федор присел к столу, скользнув взглядом по роскошной мебели и скульптурам античных героев, которые явно перекочевали в цитадель из шатра главнокомандующего. Все это великолепие немного не вязалось с походным образом жизни, который вел Ганнибал уже много лет подряд, и умеренностью в привычках, которую демонстрировал. Но, справедливости ради, надо было отметить, что убранство даже походного шатра Ганнибала всегда было роскошным. «Как ни крути, – подумал Федор, – а он ведь один из богатейших людей на средиземноморье, да еще и командующий целой армии. Ему по штату не полагается ходить в рваных штанах. Хотя он может и на снегу спать, и с солдатами есть из одного котла, если жизнь заставит».

– Ты привез мне хорошие известия от скифов? – перешел сразу к делу Ганнибал, жестом выпроводив слуг за пределы обеденного зала, – встретился с царем Иллуром?

– Да, – кивнул Федор и, попросив взглядом разрешения, отпил вина из богато украшенной чаши, чтобы промочить горло, – встретился и провел переговоры.

– Ну! – поторопил его Ганнибал, видя, что Федор не может оторваться от чаши.

Чайка действительно устал с дороги и проголодался, а оказавшись так удачно за столом, где было накрыто множество мясных блюд и закусок, даже на секунду забыл о своем задании.

– Иллур согласен поддержать нас совместным ударом с Филиппом Македонским, – поспешно произнес он, отставив чашу с вином, – а затем вторгнуться в римские земли с севера. Я передал ему медальон. Он сказал, что будет на побережье Эпира через несколько месяцев.

Ганнибал откинулся на богато отделанную спинку кресла, сделав жест, которым разрешал Федору насладиться закусками. На его лице появилось довольное выражение полководца, который уже выиграл войну.

– Вот теперь я смогу захватить Тарент, не считаясь с потерями, – удовлетворено проговорил Ганнибал, – едва только македонцы и скифы вяжутся в эту войну, как Рим перебросит часть легионов и флота на север. А большего мне и не надо. Если боги нас не оставят, то я выиграю войну даже без подкреплений сената. Поскольку Рим начнет беспокоиться и делать ошибки, даже не взирая на мой последний промах с Филиппом.

Удивленный Чайка поднял глаза на главнокомандующего, не понимая о чем идет речь.

– Пока ты выполнял мою волю у скифов, – снисходительно пояснил Ганнибал, прочитав вопрос в глазах командира двадцатой хилиархии, – я отправил послов к Филиппу, чтобы заключить договор.

– Так он еще не был заключен, когда я отплыл? – удивлению Федора не было предела. Он-то, уплывая, уже находился в полной уверенности, что союз с македонцами это реальность.

– Нет, – усмехнулся Ганнибал, продолжая откровенничать, – когда ты отплыл, мои послы только отправились к Филиппу. Я знал его настроения, и этот союз был уже обсужден, но не заключен. Однако мы заключили его, пока ты занимался другим. А на обратной дороге моих послов перехватила римская эскадра и в сенате Рима узнали о нашем союзе с македонцами еще раньше, чем о нем узнал я. Однако это сыграло мне только на руку: еще ничего не произошло, а Рим уже забеспокоился. Он тотчас прислал пятьдесят кораблей для защиты Тарента, но зато снял сразу несколько легионов из-под Капуи и Неаполя, отправив их в северную Апулию и долину реки По. Союзники могут вздохнуть с облегчением, им пока ничего не угрожает. А мы сохранили и даже упрочили позиции, а также выиграли время.

Теперь Ганнибал сам наклонился к столу и взял чашу с вином.

– Из северной Апулии эти легионы двинутся не на меня, а наверняка будут переброшены в Эпир, едва только македонцы вторгнутся в него. А стоит там же появиться скифам, с их быстрой конницей, как Рим будет вынужден перебросить и другие, направленные сейчас против меня силы на север. И чем больше римских солдат погибнет без моего участия, тем легче мне будет в дальнейшем осуществить то, что я задумал.

Эти откровения вызвали у Федора двойственное чувство. С одной стороны, ему стали доверять, делая носителем секретов большой политики. А с другой – свидетели долго не живут.

– Все, что произошло и что будет происходить здесь, в римских землях, мне ясно, – закончил откровения Ганнибал. И, потягивая бархатистое красное вино, вновь задал вопрос. – Ты, Чайка, лучше расскажи мне, как прошло твое плавание.

– Довольно гладко, – сообщил тайный посол к скифам, – если не считать одного события.

И он пересказал все, что произошло с ним за время путешествия, закончив основную часть истории ночным нападением предателей-охранников. Добавил и о том, что узнал уже здесь.

Выслушав это, Ганнибал отставил чашу с вином и нервно забарабанил пальцами по столу.

– Значит, кое-кто уже пронюхал об этом, – пробормотал он, не высказав, впрочем, никаких предположений по поводу источника опасности и тем самым оставив Федора в недоумении, – ну что же. Тем лучше. Отступать нам некуда. Придется переходить в наступление. Я собираюсь начать активную подготовку к штурму Тарента. Часть войск уже давно стоит под городом. А завтра несколько африканских хилиархий отправятся туда, и твоя в том числе. Пора побеспокоить наших римских друзей.

– Я слышал, что в Тарент должен был прибыть сам Марцелл, – осторожно заметил Федор, переводя разговор в нужное ему русло.

– Однако ты быстро узнаешь свежую информацию, – похвалил пуниец, не став отрицать. И добавил, усмехнувшись: – Твои разведчики не обманули тебя. Да, Марцелл прибыл в город. С теми пятью десятками квинкерем, которые Рим прислал для защиты Тарента. У меня их сейчас всего восемнадцать. И это лишний раз доказывает, как Рим боится нас. Имея вдвое больше солдат и кораблей, он уже почти год не переходит в наступление, ограничиваясь лишь трусливым наблюдением и вылазками.

– Насколько я знаю сенатора, Марцелл может предпринять попытку высадить десант в нашем порту, – продолжал Федор подбираться к нужной теме, – ударить нам в тыл первым.

– Да, это возможно, – кивнул пуниец, ничуть не смутившись, и просветил Федора насчет последних событий на фронтах: – Для того сенат Рима и прислал сюда самого Марцелла, поскольку кроме него у меня сейчас нет в Италии достойных противников. Консул Тиберий Семпроний Грахх стоит недалеко от Луцерии с двумя легионами рабов, наблюдая за мной. И не предпримет в ближайшее время ничего. Другой консул Луций Постум Альбин вместе с восемнадцатым и девятнадцатым легионами недавно попал в засаду в долине реки По, устроенную моими добрыми кельтами, и погиб, а его легионы истреблены. Ему на замену был вновь выбран медлительный Фабий Максим, чему я искренне рад, а Марцелл стал проконсулом. Так

что он единственный, кого стоит немного опасаться. Но когда в дело вступит Филипп со своими македонцами и скифская конница, даже он будет не страшен.

– Но пока что его нападение в районе нашего единственного порта вполне вероятно, – продолжал гнуть свою линию Федор. – Если командующий позволит, я хотел сказать, что стоит укрепить оборону порта. Три дня назад, когда я оттуда уезжал, сил там было явно недостаточно, чтобы отразить серьезную атаку.

– Ты так беспокоишься об обороне этого порта, словно боишься, что Марцелл отберет у тебя обратно свою дочь, которую ты прячешь там от меня уже полгода, – усмехнулся Ганнибал.

Федор, расслабленно откинувшийся на кресле, резко выпрямил спину. «Он все знает! – пронесся панический импульс в мозгу командира хилий, – все знает!» А главнокомандующий, насладившись моментом, спокойно добавил, легко прочитав его мысли.

– А ты предполагал, что сможешь скрыть от меня такое?

Ганнибал в упор посмотрел на Чайку, который молчал в ожидании приговора. При этом взгляд пунища отнюдь не выражал злорадства по поводу раскрытия заговора. Скорее он был веселым. Это немного смутило Чайку.

– А что это за мальчик находится с ней? – уточнил Ганнибал так, словно ничего особенного не произошло, – сын Памплония?

– Это мой сын, – признался Федор, решив пойти ва-банк: «Будь, что будет!»

– Ах вот оно, что! – ухмыльнулся Ганнибал и даже оставил в сторону тарелку с мясной закуской. – А я все не мог понять, зачем тебе такие заложники. А они вовсе и не заложники. Значит, Юлия осталась с тобой добровольно. Отлично! Просто великолепно!

Федор не знал, что и думать. Глядя на веселое лицо Великого Карфагенянина, он не мог понять, издевается тот или говорит всерьез. Но следующий его вопрос вновь припер к стенке Федора.

– А когда же ты успел... – проговорил Ганнибал, на секунду замаявшись, подбирая нужное слово, – зачать этого сына. Ведь ему уже больше трех лет. Наш поход тогда еще не начался...

И вдруг по его лицу проскользнула догадка.

– Как ты вообще появился в Карфагене? Мне кажется, ты что-то утаил в прошлый раз, когда рассказывал мне о спасении Магона. Ты его действительно спас или все было иначе?

Этот вопрос был посерьезнее всех предыдущих. Для Чайки настал момент истины.

– Все так и было, – выдал он из себя, стараясь смотреть в глаза Ганнибалу, – почти. Я действительно спас ему жизнь у скифов в Крыму, но... потом я не сразу оказался в Карфагене. Наш корабль попал в шторм и утонул неподалеку от этих самых бегов. Я один выжил, оказался в Таренте и сошел за деревенского парня. В общем, попал на службу в морскую пехоту римлян. Выхода у меня не было. А потом судьба привела меня в дом сенатора, где я увидел Юлию и влюбился в нее.

Федор умолк на мгновение, но нашел в себе силы продолжать. Ганнибал слушал не перебивая.

– Затем у нас была ночь любви прямо в доме сенатора. Наутро нас застали вместе. Я убил нескольких римлян и в тот же день, переодевшись, бежал в Карфаген. А Юлия... осталась. Лишь позже, когда мы уже вторглись в Италию, я узнал, что у нее есть ребенок.

– Теперь ясно, за что ты так ненавидишь Марцелла, – кивнул удовлетворенный Ганнибал, – Марцелл знает, что это твой сын?

Федор кивнул.

– И все равно предпочитает молчать, боясь молвы. Это ему не выгодно, – проговорил пуниец, уже рассуждая вслух, – ну что же. Сама судьба благоволит к тебе, Чайка. Если ты боялся, что я заберу Юлию в заложницы, то можешь забыть об этом. Даже если бы я приставил клинок к ее горлу, Марцелл все равно не сдался бы мне на милость. Так что эта жертва мне не нужна. Можешь жить спокойно и рассказать ей об этом. Ты собираешься признать мальчика?

Федор кивнул.

– Я хочу дать ему финикийское имя.

– Это возможно, – кивнул Ганнибал и многозначительно добавил, – правда, многие в Карфагене будут не в восторге от такого союза. Пока ты рядом со мной, я смогу вас защитить. Но имей в виду, что на другой территории я не всевластен. Помни об этом.

Намек был ясен. Но Чайку это не пугало. Казнь была отменена, а новая жизнь только начиналась.

– А кроме того, ты хорошо знаешь Тарент, – продолжал размышлять Ганнибал, – это надо использовать.

Глава шестая

Тайные тропы

В ту ночь Федор почти не спал от возбуждения и радости. Несмотря на желание немедленно усилить группировку войск на подступах к Таренту, Ганнибал разрешил ему коротко навестить Юлию и сообщить последние новости, однако время выступления менять не стал. И Федор условился, что двадцатую хилиархию отведет к месту новой дислокации Урбал, неплохо справившийся со своими временными обязанностями при осаде Рима. А он, побывав на берегу, присоединится к войскам уже на месте.

– Ну ты даешь, – только и развел руками Урбал, когда Федор, едва появившись вечером в лагере и снова обосновавшись в шатре командира хилиархии, который временно занимал Урбал, вызвал к себе отсутствующих по делам службы друзей.

– И Ганнибал теперь все знает? – озадаченно переспросил Летис, который не все понял с первого раза.

– Знает, – кивнул радостный Федор, который так и не присел с той минуты, как увидел и обнял друзей, – оказывается, он уже полгода об этом знает, но молчит.

– Интересно, – проговорил рассудительный Урбал, слегка обидевшись, – мы вот, с Летисом, тоже ничего полгода об этом не знали.

– Я не мог рассказать никому, – извинился перед друзьями Федор, – сами понимаете, все же дочь римского сенатора среди солдат нашей армии.

– Да уж, завязал ты узелок, – кивнул Урбал, принимая извинения. – И Ганнибал тебя ни в чем не обвинял при встрече?

– Да так, – отмахнулся Федор, – по мелочам. Пришлось рассказать свою подноготную.

И Чайка рассказал теперь друзьям те моменты своей биографии, которые раньше был вынужден скрывать даже от них, решив, что теперь таить их нет никакого смысла. Выслушав все детали его службы римлянам и побега в Карфаген, друзья некоторое время молчали, перемаривая.

– Удивил ты меня, Чайка, – только и сказал озадаченный здоровяк, присев на скамейку рядом со столом, где Федор рассматривал карту с последними добытыми разведкой сведениями о расположении римлян.

– Теперь мне многое понятно, – нарушил затянувшуюся тишину Урбал, проведя рукой по ножнам фалькаты, – я, конечно, не Ганнибал, и сотен шпионов у меня нет, но кое-что странное в твоём поведении мне уже давно бросалось в глаза. Хорошо, что теперь ты развеял мои подозрения.

– А ты что, решил, что я служу римлянам? – ухмыльнулся Федор.

Урбал неопределенно пожал плечами.

– Нет, но я не мог найти объяснения твоим поступкам. А это меня настораживало. Было ясно, ты что-то скрываешь. Хорошо, что ты решил нам все объяснить прямо сейчас.

– А я рад, что все закончилось, – выпалил Летис не любивший долгих объяснений, – предлагаю обмыть это дело кувшином хорошего вина. Мы тут сегодня захватили одного греческого торговца, который пытался проскочить в Тарент мимо наших кордонов с несколькими возами отменного вина. Я уже откупорил одну амфору, – отличная вещь. Говорят, римляне дают за это вино хорошие деньги.

– Не откажусь! – махнул рукой Федор, – тащи сюда пару амфор прямо сейчас. Поскольку утром я снова вас оставлю на денек-другой.

– Как это? – опешил Урбал, проводив взглядом Летиса, уже прошмыгнувшего к выходу из шатра, – ведь утром мы выступаем в сторону Тарента.

– Да, я знаю, – отмахнулся Чайка, с лица которого не сползала радостная ухмылка, – но Ганнибал разрешил мне в этот раз по любовным делам посетить порт на побережье и сообщить Юлии, что она может больше не скрываться. Он берет нас под свою защиту.

– Повезло тебе, Федор Чайка, – обрадовался за друга Урбал, но, подумав, добавил, – однако я бы на твоём месте не слишком часто показывался с ней на людях. Она все же римлянка. А война еще не закончена. Мало ли что.

– Не беспокойся, – ответил командир хилиархии, – я не собираюсь бывать с ней на пирах. Во всяком случае пока.

Он прошелся мимо столика со свитками и, обернувшись, добавил.

– А что касается нашего выступления, то к Таренту хилиархию поведешь ты. До сих пор ты неплохо замещал меня. Придется сделать это еще разок. А я присоединюсь к африканцам уже на месте, Атарбалу я уже сообщил. Думаю, это займет не больше нескольких дней.

– Ладно, решай свои любовные дела, – согласился Урбал, – а мы за тебя повоюем.

– К началу войны я успею, – уверил его друг, – мне не терпится снова схватиться с римлянами. Тем более что в городе сейчас сам Марцелл.

Урбал поднял на него удивленные глаза, но спросить ничего не успел. В шатер медленно вошел Летис, который тащил на плече объемную амфору из красной глины, узкое горлышко которой было запечатано какой-то смолянистой массой. За ним вошли еще двое солдат, которые еле донесли еще одну.

– Ну вот, – удовлетворенно произнес здоровяк, вертикально опуская свое сокровище на покрытый ковром пол, – сейчас мы ее раскупорим. Кладите вторую в том углу.

Последние слова относились к пехотинцам, которые с трудом уложили амфору на ковер и вышли. Федор оглядел сосуд: тот имел узкое горло, расширение в середине, от которого отходило две ручки, и остроконечное дно. Этот сосуд никак нельзя было поставить, а можно было только положить. Что и сделали солдаты. Но Летис и не думал класть массивную амфору. Вместо этого он, придерживая ее рукой, вынул из ножен один из своих любимых кинжалов и огляделся по сторонам.

– Как ты собираешься наливать вино? – уточнил Федор, – ведь эта амфора слишком большая и предназначена, скорее всего, для его перевозки. Смотри, у нее даже нет других отверстий, кроме верхнего.

– Сейчас разольем, – не смутился Летис. – Тут есть какой-нибудь кувшин?

Федор осмотрелся в поисках емкости. На другом столике в углу, который он иногда использовал, для того чтобы наскоро перекусить, и Урбал в его отсутствие делал то же самое, стоял небольшой кувшин и рядом чаша.

– Один есть, – озвучил Чайка то, что все и так уже видели.

– Отлично, подтащи-ка его сюда, – приказал он командиру хилиархии и добавил, когда Федор, не споря, выполнил этот приказ рядового: – и поддержи.

А потом, проделав кинжалом аккуратное отверстие в застывшей смоляной пробке, подхватил амфору и осторожно стал приподнимать, до тех пор, пока из нее не полилась красная ароматная жидкость, быстро наполнившая кувшин.

– Придется пить из одного, – ничуть не расстроился Летис, опуская амфору на пол и снова прихватывая ее за глиняную ручку, – вы первые.

Так он и стоял «на разливе», пока друзья, опрокинув, каждый по кувшину, не распробовали вино. А когда очередь пить дошла до самого Летиса, то его «пост» временно занял Урбал.

– Крепче держи за ручку, – посоветовал здоровяк из Утики, – а то опрокинется.

И почти залпом выпил кувшин, опрокинув его в свою глотку.

– Отлично вино, – еще раз подтвердил он, когда высосал все до капли.

– А куда, ты говоришь, направлялся хозяин этого каравана, – вдруг отчего-то вспомнил слегка захмелевший Федор, – в Тарент?

– Ну да, – ответил Летис, снова занимая свой пост «у краника», – он сам грек из местных.⁴ Вот и пытался протащить вино на продажу. Там легионеры умирают от жажды, дожидаясь нашего штурма.

– Это хорошо, что он сглупил и не повез его морем. Ты никуда не отпускай этого торговца до моего возвращения, – обернулся Федор к Урбалу, – у меня тут мысль одна возникла.

– Ладно, – кивнул Летис, допивая очередной кувшин.

– И еще, – вдруг стал серьезным Федор, у которого в голове уже созрел план, – не вздумай выпить все вино. Сколько там было возов?

– Четыре огромных, наполненных до краев амфорами, – пробормотал озадаченный новым приказом здоровяк.

– Вот пусть хотя бы три останется, – подвел черту Федор.

– Выполним, раз надо, – нехотя подтвердил Летис, вытирая рот рукой.

На рассвете, вздремнув в шатре несколько часов, отдохнувший и окрыленный командир двадцатой хилиархии вновь умчался в сторону побережья, взяв с собой сотню нумидийцев во главе с Угуртой. Морпехов Федор взять не мог, поскольку пешком он не обернулся бы за пару дней, а тяжелых испанских всадников Магарбал ему просто не дал, – они были слишком ценной боевой силой, чтобы брать целую сотню себе только в качестве эскорта. А нумидийский вождь не раз был им проверен в боях, и сами нумидийцы вполне подходили на роль отряда сопровождения.

Проведя весь день в седле и едва не загнав коня, Федор к вечеру следующего дня снова был у ворот уединенного каменного дома. Спрыгнув с коня, он скользнул взглядом по видневшимся недалеко внизу корабельным мачтам наполовину вытасканных на берег квинкером и в нетерпении забарабанил в массивную дверь. Чернокожие нумидийцы, образовав полукруг, остановились за его спиной, перегородив дорогу.

– Ждите здесь, – приказал Угурте Федор, указав на обширную поляну по соседству, – можете разбить лагерь. Утром поскачем обратно.

Темнокожий Угурта, различимый в быстро наступающей тьме только по белозубой улыбке и тунике, едва заметно кивнул. На счет лагеря Федор, выучивший за последний год пару слов на их языке, сказал скорее для порядка. У нумидийцев с собой не было ничего, кроме оружия. И эту ночь им предстояло провести под открытым небом. Но обрадованного последними событиями командира хилиархии это сейчас совсем не волновало. Нумидийцы тоже солдаты, ко всему привыкли.

– Кто там? – раздался за воротами недовольный голос охранника.

– Это я, Чайка, – сообщил он в нетерпении, – открывай.

Массивные ворота со скрипом отворились, и Чайка, ведя под уздцы коня, оказался во дворе, где уже находилось пятеро охранников. Как и положено.

– Простите за ожидание, – поспешил извиниться облаченный в полные доспехи охранник, бывший почему-то за старшего, – мы не ждали вас так быстро назад.

– Ничего, – отмахнулся Чайка, – я сам не ожидал, что приеду.

– Где командир охраны? – уточнил Федор, осматривая погруженный в сумерки сад.

– Он уехал в город и должен скоро вернуться, – был ответ.

«Не он ли служит осведомителем Ганнибала, – промелькнула мысль в голове у Чайки, – я, конечно, его давно знаю и не раз проверял, но кто-то поставлял главнокомандующему информацию уже целых полгода. А лучшей кандидатуры, чем начальник охраны, который единственный может покидать дом по своему усмотрению, и не придумать. Впрочем, это уже не важно».

⁴ Тарент, как и многие города в Южной Италии, был основан выходцами из Греции. В прежние времена, воюя за свою независимость с окрепшим Римом, они не раз призывали на эти земли греческие армии. Последнее и наиболее мощное вторжение по их просьбе было организовано царем Пирром Эпирским.

– А где сейчас госпожа? – спросил Федор, немного успокоившись.

– Она уже спит, – ответил солдат, бросив взгляд через его плечо на отряд нумидийцев в белых туниках, который медленно перемещался в сторону ближайшего поля, словно собрание призраков.

Бросив поводья охраннику, Федор напрямик направился в спальню. Как ни старался он ступать осторожно своими подкованными башмаками, но все же случайно опрокинул лавку в большой комнате, где еще не погасли свечи. Раздался грохот и Федор решил, что испугал Юлию и ребенка. Но, к счастью, они еще не спали.

– Кто там? – раздался голос римлянки.

– Не бойся, – ответил Федор, поднимая лавку, – это я. Вернулся с хорошими вестями.

Накинув хитон, Юлия выбежала ему навстречу из спальни. В тусклом свете со своими платиновыми волосами, разметавшимися по плечам, и босыми ногами она казалась особенно привлекательной.

– Ты вернулся, – девушка бросилась ему на шею, прильнув в поцелуе.

– Но что случилось? – спросила она, отстранившись наконец, но все еще оставаясь в объятиях Федора.

– Ганнибал – выпалил Чайка, захлебнувшись от избытка чувств, – оказывается, он все знал уже давно.

– Знал? – отшатнулась Юлия, – значит, он в любой момент мог прислать за мной своих солдат?

– Мог, – подтвердил Федор, – но не прислал. Вчера у нас был разговор, и я обо всем поведал ему.

– И что он сказал тебе в ответ? – Юлия отступила босыми ногами на шаг по ковру, мгновенно становясь серьезной. В этой хрупкой девушке быстро проснулась дочь сенатора.

Она скрестила руки на груди, вперив вопросительный взгляд в командира двадцатой хилиархии. Вид у нее был решительный. В зависимости от ответа римлянка готова была, казалось, тотчас сесть на колесницу вместе с сыном и броситься в бег.

– Он простил нас и разрешил больше не прятаться, – поспешил объяснить Федор, делая шаг вперед. – Теперь мы можем наслаждаться жизнью. Скрываться больше не надо, мы можем жить открыто. Он сказал, что не стремится делать из тебя заложницу, поскольку твой отец все равно не сдастся на милость финикийцев из-за тебя.

– Это верно, – нехотя признала Юлия, – он скорее сам меня убьет, но не доставит удовольствия Ганнибалу видеть себя униженным. Но как Ганнибал узнал, ведь я же не выхожу из дома?

– У него много шпионов, – спокойно заметил Федор.

– Значит, и в доме есть его шпион? – закончила мысль римлянка.

– Наверняка, но стоит ли теперь об этом беспокоиться, – отмахнулся Федор, делая еще шаг к своей любимой женщине и вновь обхватывая ее за узкую талию, – завтра утром я должен снова отправляться к войскам. Но сегодня у меня еще осталась ночь, и я хотел бы провести ее не в разговорах о прошлом и будущем. Настоящее волнует меня гораздо больше.

– Сейчас как раз стоит подумать о будущем, – ответила Юлия по-прежнему серьезным голосом. Но быстро сдалась, ответив на поцелуй.

– Не будем терять время, – закончил разговоры Федор и подхватил римлянку на руки, – я хочу насладиться тобой прямо сейчас.

– Только не шуми, как взбесившийся слон и не роняй больше скамьи, – предупредила Юлия, заглядывая в спальню, сквозь приоткрытую дверь, – наш сын заснул, но может опять проснуться. И тогда ты будешь развлекать его до утра.

– К счастью, в доме много комнат, – заявил Чайка и осторожно, словно пушинку, поднял римлянку по лестнице на второй этаж, где находилась другая спальня и еще несколько комнат

для хозяев. Там он бросил ее на кровать и сорвал тунику, проведя ладонью по округлой и теплой груди.

– У нас целая ночь, – повторил он и стал покрывать поцелуями тело Юлии, мгновенно позабывшей обо всех проблемах и растаявшей в его объятиях.

Наутро счастливый Федор, оставив сонную Юлию в постели, наскоро перекусил, бросил взгляд на спящего сына, сел на коня и отправился в обратный путь, окруженный верными нумидийцами, скоротавшими ночь под открытым небом. Он был настолько счастлив, что даже не вспомнил о том, что им тоже требовалась еда и ночлег.

Приказав разбудить утром командира охраны, Чайка оставил ему новые указания. Теперь Юлия могла появляться в городе, если захочет, но все также под ненавязчивой охраной. Все прежние приказы Федор оставил в силе до своего следующего визита, когда он решил принять решение, что делать дальше, – перевезти Юлию в другое место или оставить здесь. Юлия была права, теперь надо было подумать о многом. Несмотря на разрешение Ганнибала, она оставалась римлянкой в глазах многих вельмож Карфагена. Война еще не закончилась, и со всех сторон грозило много опасностей. Больше всего Федор боялся неизвестных, связанных как раз с происхождением Юлии. А также действий ее отца, если он узнает о том, что его дочь рядом. Марцелл был способен на многое. И стоило хорошенько продумать свои следующие шаги. Пока у Федора времени на это не было, Юлия, как они решили, останется здесь, в доме на побережье под охраной. Так было спокойнее.

Проведя почти три дня в седле, к ночи Федор прибыл в окрестности Тарента. О том, что он приближается к району боевых действий, ему красноречиво напомнили разъезды испанской конницы и все тех же нумидийцев, а также кордоны из пехотинцев, в изобилии встречавшиеся на дорогах. По многим дорогам даже в сумерках в сторону Тарента двигались спейры кельтов и африканских пехотинцев, обгоняя которые Чайка поневоле вспомнил, что он не только герой-любовник, но и командир двадцатой хилиархии, солдаты которой уже забыли, как он выглядит из-за частых и продолжительных отлучек. Но теперь он вернулся надолго. Ганнибал, судя по всему, был настроен решительно. Время перемирия и вялотекущих действий на фронтах подходило к концу. И Федору, как и всем командирам испанской армии, предстояли веселые деньки. Вот-вот могла начаться осада Тарента, с которым у Федора Чайки были связаны незабываемые воспоминания.

Вернувшись в только что отстроенный лагерь, первым делом, несмотря на поздний час, Федор разыскал Атарбала и доложил о своем прибытии. Военачальник корпуса африканцев коротко побеседовал с прибывшим командиром двадцатой хилиархии, сообщив ему, что в задачу вверенного Чайке подразделения входит пока только охрана западной части нового укрепленного района. Изредка разрешалось беспокоить римских фуражиров, действующих в обширной полосе отчуждения. И больше ничего. К огорчению Федора, который изрядно устал от политических игр и рвался в бой, никаких более агрессивных действий в ближайшее время не планировалось. Ганнибал собирал силы в кулак, но когда этот кулак нанесет удар, было не ясно.

От командира африканцев Федор направился напрямик к себе в шатер, где застал Урбала, отдававшего дозорным указания и пароли на предстоящую ночь. Узнав, что друг вернулся, Урбал с радостью передал ему командование и отправился спать. Изрядно уставший от скачки Федор сделал то же самое.

А наутро он приказал построить свои войска и провел им небольшой смотр. Больше для того, чтобы обозначить свое возвращение, чем для проверки боевой готовности. Несмотря на то что многие спейры были незадолго до этого пополнены новобранцами больше чем на треть, солдаты его хилиархии были готовы к драке, в этом он быстро убедился. Амуниция в порядке, вид бодрый. Но испытание настоящим боем не мешает любой армии, а его, судя по всему, ждать было еще долго, несмотря на заявления Ганнибала.

Для того чтобы быстрее войти в курс дела Чайка решил «выехать на прогулку» в сторону римских позиций. Поскольку была вероятность повстречать там легионеров, то Федор взял с собой всю седьмую спейру Урбала и еще сотню нумидийцев Угурты. Все равно сидеть в лагере и скучать ему не хотелось.

Небольшое соединение пехотинцев и конницы покинуло лагерь армии Карфагена, когда солнце уже было в зените. Лагерь был выстроен на плоском холме, южный и западный склоны которого обрывались в глубокий овраг, а вдоль остальных сторон инженерные части вырыли не менее глубокий ров. Так что попасть в лагерь можно было только через несколько ворот, каждые из которых были снабжены подъемным мостом. Частокол с башнями опоясывали лагерь пунийцев по всему периметру. В общем, на случай внезапного нападения римлян он был хорошо подготовлен и укреплен. А что касается гарнизона, то солдат Карфагена – африканцев, испанцев, кельтов и нумидийцев – здесь скопилось уже около десяти тысяч, и они продолжали прибывать каждый день.

– Неплохо мы здесь обосновались, – прищурившись на солнце, заметил Федор, обращаясь к Урбалу. Его друг и заместитель шагал рядом, иногда придерживая рукой перекинутый за спину щит.

Устав от скачки за последние дни, командир хилиархии решил прогуляться пешком вместе со своими солдатами. Как ни крути, а уже несколько лет подряд он был пехотинцем. Нумидийцев Федор, как всегда, отправил вперед. Проверять дорогу, петлявшую меж поросших редколесьем желто-зеленых холмов.

– Да, отличное место для лагеря, – согласился командир седьмой спейры, на шлеме которого играли солнечные блики, – жаль только, до римлян далековато. Вряд ли мы их сегодня встретим. В окрестности лагеря они редко навешиваются.

Как узнал Федор утром из доклада все того же Урбала, передававшего ему дела, между крепостной стеной Тарента и укрепленными лагерями финикийцев было не меньше двадцати километров. Это было сделано специально, чтобы римская армия в случае контратаки не могла преодолеть разделявшее врагов расстояние меньше чем за дневной переход.

В полосу отчуждения, что протянулась вдоль обширной части побережья залива, на краю которого стоял Тарент, и даже захватывала часть Калабрии, попало множество деревень и даже небольших городков. В самой Калабрии, примерно на таком же расстоянии от города, Ганнибал спешно строил еще один лагерь, чтобы угрожать Таренту с востока и помешать подходу подкреплений из Брундизия, находившегося еще в руках римлян. Оба города, однако, свободно снабжались римским флотом по морю, и Великий Карфагенянин мечтал как можно быстрее прервать это сообщение. Сделать это ему мешало только отсутствие собственного мощного флота и подкреплений. Но, взяв Тарент, уже можно было говорить о том, что римляне лишились крупнейшей военно-морской базы на этом побережье и влияние их сената в Южной Италии окончательно подорвано. Дело оставалось за малым – взять Тарент, хорошо укрепленный, с мощным гарнизоном и флотом.

Спустя полчаса они достигли первой деревушки, давно оставленной жителями.

– А что, в этой полосе между нами и римлянами никого не осталось? – уточнил Федор, вглядываясь в заброшенные дома и разоренные огороды.

– Разведчики докладывают, что из местных жителей почти никого, – ответил Урбал, – все они подались в Тарент.

– Странно. Ганнибал говорил, что большая часть населения выступает за то, чтобы открыть ворота, – произнес Федор, останавливаясь на пригорке, с которого была видна следующая деревня. Похоже, такая же заброшенная, – я думал, нас будут встречать как освободителей.

– Может быть, нас и хотели так встретить, – кивнул Урбал, останавливаясь рядом и делая знак своим людям тоже остановиться, – но в Таренте много легионеров и они вешают любого,

кто покажется им слишком симпатизирующим Ганнибалу. Говорят, там повсюду стоят виселицы, а отрубленными головами завалены все канавы. Дела наших шпионов и так не очень хороши, а после того, как к ним прибыл Марцелл, станут еще хуже.

– Кто знает, – задумчиво пробормотал Федор, думая о чем-то своем, – кто знает.

Переведя взгляд с разоренной деревни на лицо Урбала, он вдруг спросил.

– Значит, поблизости нет римских войск и можно при желании дойти до стен самого Тарента?

– Мародеры и некоторые отчаянные торговцы так и делают. Мародеры бродят между нашими позициями, в основном по ночам, грабят заброшенные дома. Их ведь здесь много. А торговцы пытаются протащить свой отвар мимо наших постов. Днем римляне иногда открывают ворота и прочесывают ближайшие окрестности. Но далеко не уходят, как и мы. А всех торговцев, пробравшихся мимо наших кордонов, они впускают в город в условленное время.

– И не считают их шпионами Ганнибала? – удивился Чайка.

– Большинство они знают в лицо. В случае чего их недолго найти и повесить.

– Откуда тебе это известно? – продолжал выпрашивать друга Федор.

– От того торговца вином, что мы захватили несколько дней назад, – ответил Урбал. – Смелый оказался мужик. И жадный. Ради денег на все готов. Говорит, у него договор с одним центурионом, которому он должен был отстегнуть приличную сумму за то, что тот позволит провезти в город это вино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.